

Гуляев

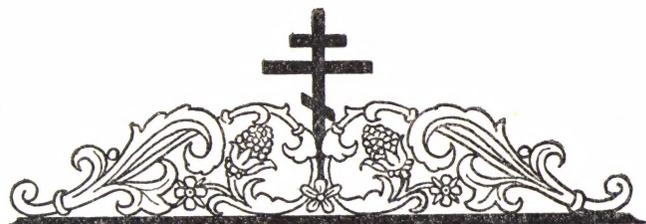

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

1

1951

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

1

Январь
1951

Издание Московской Патриархии
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия	3

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Рождественское приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия Главам и Предстоятелям автокефальных Православных Церквей	5
Телеграмма Архиепископа Албанской Православной Церкви Паисия Патриарху Московскому и всея Руси Алексию	6

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Служения Святейшего Патриарха Алексия (Декабрь)	7
---	---

В ЗАЩИТУ МИРА

<i>Проф. Доктусов Н.</i> Православная Церковь и мир	8
<i>Ведерников А.</i> Великое служение делу мира	11

РЕЧИ И ПРОПОВЕДИ

<i>Митрополит Николай.</i> Грех	19
---	----

ИЗ ЖИЗНИ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Избрание нового Предстоятеля Кипрской Церкви	23
--	----

СТАТЬИ

<i>Никонов В.</i> Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение	24
<i>Архиепископ Сергей.</i> Опять на Родине	28
<i>Волков А.</i> Отход Ватикана от основ христианства	30
<i>Спасский И.</i> Митрополит Петр Могила (Его борьба с иезуито-уни- атским влиянием на Украине и в Белоруссии)	44

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

<i>Доц.-свящ. Никольский Н.</i> О церковно-археологическом музее Московской Духовной Академии	53
--	----

ИЗ ЖИЗНИ ЕПАРХИИ

<i>Прот. Бураков Б.</i> Церковное торжество в г. Барановичах	54
<i>Прот. Пеньковский М.</i> Скромное торжество	55

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
А Л Е К С И Я

К ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ВСЕЙ
ВОЗЛЮБЛЕННОЙ О ХРИСТЕ ПАСТВЕ

*„Христос рождается — славите!
Христос с небес — срящите!“*

Незаметно прошел год, и мы снова стоим у порога нового лета благодати Божией, и снова встречаем радостный, всемирный праздник Рождества Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа.

«Благословен Господь Бог Израилев, — восклицаем мы вместе с пророком, — яко посети и сотвори избавление людем Своим» (Лк. 1, 68). В тайне воплощения Сына Божия явлено миру великое знамение Божией любви, Божией премудрости и всемогущества: ради того, чтобы избавить род человеческий от вечной смерти, Единородный Сын Божий соделался плотью — «плоть бысть и вселися в ны».., «зрак раба примим»; принял на Себя грехи всего рода человеческого; претерпел крестные муки и смерть, дабы даровать нам спасение, оправдание и вечную жизнь.

Какое слово человеческое достаточно сильно, чтобы выразить все благоговение наше пред этим таинством неизреченной любви Божией? Пред таинством искупления нашего, начавшегося от яслей Вифлеемских и завершившегося на Голгофе.

С какими же чувствами должны мы мысленно приступить к вертепу Вифлеемскому, в коем совершилась эта «велия благочестия тайна», — во исполнение призыва Церкви: «Христос с небес — срящите»?

Не с чувствами ли благочестивого умиления, смиренной веры, благоговейной радости, безмерной любви, как поется в церковной песни Празд-

ника: «Закона любви держащиеся, братолюбия изволение да восприимем, друг с другом мирствующе и едино смудрствующе; мира бо Податель приходит Христос, умиряя всяческая и спасаая...» (Канон повечерия предпразднства, песнь 8-я).

С этими чувствами приступая к яслям Божественного Младенца Христа, мы ощути радость в сердце, и эта радость, как прикосновение благодати Господней, озарит жизнь нашу небесным светом.

Приветствую вас, отцы и братие, с Праздником, несущим всем нам эту небесную радость, и призываю всех вас к усердной молитве о том, чтобы мир, который принес на землю воплотившийся Сын Божий, действительно водворился на ней и стал ее постоянным достоянием.

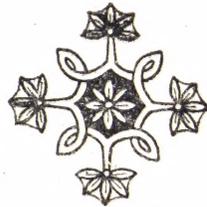
Долг каждого из нас, сынов Церкви Христовой и граждан нашей миролюбивой Родины, проявить деятельное участие в великом и святом деле борьбы за мир во всем мире. Долг каждого из нас открыто и безбоязненно присоединить свой голос к осуждению братоубийственной войны, на которую пытаются вновь толкнуть народы безумные враги мира. И прежде всего — это долг Пастырей Церкви.

Молитва «о мире всего мира», проповедь любви, единство в деле борьбы за мир и за христианскую правду — да будут основой нашей духовной работы в это переживаемое нами время всеобщего движения за мир и осуждения всякого рода посягательства на порабощение мирных народов.

Приветствуя верных сынов Церкви нашей с наступившим Новым Годом, молю Господа, да будет этот год исполненным мира и благословения Божия и да дарует всем нам Господь добрым подвигом мирного и полезного труда служить славе, величию и силе возлюбленной и Богом хранимой родной Страны нашей. Аминь.

*АЛЕКСИЙ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ*

25 Декабря 1950 г.
Москва.

**РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПРИВЕТСТВИЕ
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
А Л Е К С И Я
ГЛАВАМ И ПРЕДСТОЯТЕЛЯМ АВТОКЕФАЛЬНЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕИ**

Братски приветствую Вас и молитвенно соединяюсь с Вами в благоговейной радости о Рождестве Спасителя нашего и в благодарных помышлениях о даруемом Им обновлении лета, молясь, да ниспошлет Он Вам и всем нам обновление духа и сил к несению подвигов возложенного Им на нас служения Святой Церкви Его.

Рождество Христово, 1950 г.
г. Москва

**АЛЕКСИЙ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ**

ТЕЛЕГРАММА
АРХИЕПИСКОПА АЛБАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПАИСИЯ
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЮ

Горячо благодарим Вас, Ваше Святейшество, и Священный Синод Русской Православной Церкви за Ваши поздравления, посланные нам по случаю национального праздника 6-й годовщины со дня освобождения нашей Родины.

Процветание нашей Церкви опирается на укрепление дружественных и братских связей и сотрудничества с великой Русской Православной Церковью, возглавляемой Вашим Святейшеством, которая проповедует великие принципы любви, братства и мира между Церквями и народами.

С уважением и братской любовью к Вашему Святейшеству
АРХИЕПИСКОП АЛБАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПАИСИЙ

Тирана, 5 декабря 1950 г.

СЛУЖЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

(Декабрь)

3 декабря, накануне праздника Введения во храм Пресвятыя Богородицы, Святейший Патриарх совершал всенощное бдение в Патриаршем Богоявленском соборе.

4 декабря, в день праздника, Божественная литургия была совершена Святейшим Патриархом в Московском храме святителя и чудотворца Николая, что на Новокузнецкой улице.

19 декабря, в день памяти святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского, Божественную литургию (как и всенощное бдение накануне, 18 декабря) Святейший Патриарх совершал в Патриаршем Богоявленском соборе.

21 декабря, накануне празднования иконы Божией Матери «Нечаянная радость», Святейший Патриарх совершал всенощное бдение в Московском храме св. пророка Илии, что в Обыденском переулке.

22 декабря, в день праздника, Святейший Патриарх совершал молебное пение перед иконой Божией Матери в Патриаршей Крестовой церкви.

24 декабря, в воскресенье, Божественную литургию Святейший Патриарх совершал в Патриаршей Крестовой церкви.

В ЗАЩИТУ МИРА

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И МИР

Устами своих членов Православная Церковь единодушно высказалась за сохранение международного мира. Среди голосов злобствующих политиканов, среди воинственных подголосков прислужников капитала призыв Православной Церкви к миру, обращенный к христианам всех исповеданий, звучит, как ангельская песнь, некогда прозвучавшая при рождении Спасителя. И тогда, среди повсеместного военного и социального насилия, в обстановке обострившейся войны всех против всех, когда люди руководствовались девизом *homo homini lupus*, эта ангельская песнь о мире провозгласила человечеству новую эру братского единения, взаимной любви и всепрощения.

Православная Церковь, призывая мир к миру, исходит в этой проповеди мира из глубочайших основ своего вероучения, морали и повседневной практики своего богослужения.

Она исповедует, что «Бог не есть Бог неустройства, но мира» (1 Кор. 14, 33). Только при таком понимании Божественной природы мы глубоко веруем и следуем святым заветам апостола: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте» (1 Фесс. 5, 23)). Преисполненные любви к Богу, стремясь воплотить в себе хотя бы частицу Божества, мы строим жизнь по завету апостола: «Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем» (2 Фесс. 3, 16). Еще благочестивый Захария в пророческом экстазе предвозвестил одну из главнейших задач служения своего сына-Предтечи: «Направить ноги наши на путь мира» (Лк. 1, 79). В чем же заключалась печальная жизнь дохристианского мира? Ап. Павел говорит, что люди до пришествия Спасителя были «под грехом», они «не знали пути мира» (Римл. 3, 9 и 17). И Божественный Учитель наш Иисус Христос, посылая Своих учеников на проповедь, дал им, а вместе с ними и нам, Свой святейший завет: «В какой дом войдете, сперва говорите: «мир дому сему» (Лк. 10, 5). Самое звание христианина мы мыслим только во всегдашнем состоянии любви и мира со всеми, по слову апостола: «Умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны..., стараясь сохранять единство духа в союзе мира» (Ефес. 4, 1 и 3). Наша жизнь на земле проходит в постоянном борении со злом, а потому для нас главной жизненной задачей является уклоняться от зла и делать добро, искать мира и стремиться к нему (1 Петр. 3, 11). Только взаимная любовь и мир создадут для нас на земле условия праведной жизни: «Братия, радуйтесь, усовершенвайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, — и Бог любви и мира будет с вами» (2 Кор. 13, 11). Злобствующие люди являются орудиями сатаны. Козни его мы можем победить только любовью и миром. Мы твердо верим с апостолом: «Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре» (Римл. 16, 20).

Свящ. Предание, которого свято держится Православная Церковь, внушает нам устами Отцов и учителей Церкви заветы мира.

Один из великих Отцов Церкви—св. Григорий Богослов говорит, что «мир — мой труд и моя похвала. Сам Бог им именуется в следующих словах: мир Божий (Филипп. 4, 7); Бог мира (2 Кор. 13, 11); Той есть мир наш (Ефес. 2, 14)»¹. В сонме святых величайшего блаженства заслуживают именно миротворцы, так как только они устаиваются высочайшего звания сынов Божиих (Мф. 5, 9).

Св. Григорий Нисский говорит, что «соделаться сыном Божиим, без сомнения, — выше всякого благополучия»². По его словам: «если будешь миротворцем, то увенчает тебя благодать усыновления..., дело, за которое обещана такая награда, есть новый дар. Ибо в этом мире что сладо-стнее для людей мирной жизни?»

Св. Иоанн Златоуст, толкуя слова ап. Павла: «Будьте единомысленны, мирны, — и Бог любви и мира будет с вами» (2 Кор. 13, 11), говорит, что апостол «требует здесь единомыслия и согласия... и не только увещевает иметь мир, но и молит о том Бога..., потому что Бог есть Бог любви и мира...»³ Наше доброе состояние — в том, чтобы жить в любви, в братстве, в единении, в союзе, мирно и кротко»⁴.

Господь Иисус Христос, идя на крестные страдания, в прощальной беседе с учениками дает им последний завет: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ио. 14, 27). Христианская мораль в основу отношений людей полагает мир и любовь. Если нарушаются братские, исполненные любви отношения между народами, мир сменяется бедствиями войны, во время которой уничтожаются не только культурные ценности, но и величайшее благо человека — жизнь людей. Помрачаются плоды духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать (Гал. 5, 22). Новая жизнь во Христе предписывает: «Старайтесь иметь мир со всеми» (Евр. 12, 14); «будьте в мире со всеми людьми» (Римл. 12, 18); «будьте в мире между собой» (1 Фесс. 5, 13).

Православная Церковь устами молящихся ежедневно в храмах возносит молитвы к Богу о мире. В каждом богослужении мы обращаемся к Богу с прошением «о мире всего мира», и слышится благостный голос пастыря: «Мир всем». Готовясь к совершению святейшего таинства Евхаристии, священник молится: «Сподоби, Господи, с любовью достойно послушать святых апостол Твоих благовестия, благовествующих нам мир». Церковь воспевае всех подвижников веры и ревнителей воздержания за то, что они возносят молитвы за нас: «В мире совершенном тех молитвами Тебя славящих и величающих сохрани»⁵. Мы благодарим Бога за то, что Он «молитвами святителей в мире направил жизнь нашу»⁶. Мы обращаемся к Иисусу Христу, прося Его «в мире совершенном величающих и восхваляющих Его сохранить»⁷. Мы молим ап. Иоанна Богослова «належащую мглу языков разгнати, прося нам мира»⁸.

Однако среди христиан, к сожалению и стыду, находятся люди, которые встречают призывы к миру или равнодушно, или даже с ненавистью и поддерживают поджигателей войны. Первое место среди них занимает лицо, возглавляющее Римско-католическую Церковь. Из-за материальных выгод, из-за приверженности к сходящему с исторической сцены капитализму, он противится, он проклинает всех ищущих мира.

¹ Григорий Богослов. Творения, т. I, стр. 336, СПб.

² Григорий Нисский. Творения, ч. 2-я, стр. 451. М. 1861 г.

³ Еп. Никанор. Толковый Апостол, 2-я ч., стр. 340, СПб. 1904 г.

⁴ Там же, стр. 122.

⁵ Кондак в субботу сыропустную.

⁶ Тропарь общий святителям.

⁷ Тропарь св. Вавиле.

⁸ Тропарь св. апостола Иоанну Богослову.

Он уподобляется — по слову апостола — сидящему на рыжем коне антихристу, которому дано взять мир с земли, чтобы люди убивали друг друга (Откр. 6, 4).

Православная Церковь твердо стоит за дело мира, призывая бороться за него и употребляя все усилия к предотвращению войны, к прочному и длительному миру, в твердом уповании, что Бог мира со всеми нами (Римл. 15, 33), что мы достигнем мирного плода праведности (Евр. 12, 11).

Православная Церковь предостерегает от ужасов войны, от страшной опасности массового истребления людей. Она считает, что взявшие меч от меча и погибнут (Мф. 26, 52); что те власти, которые развязывают войну и применяют страшные средства истребления, достойны демонского звания исчадий ада, слуг сатаны. Они сами себе собирают «гнев на день гнева» и... праведного суда от Бога, который воздаст каждому по делам его», причем — «тем, которые упорствуют и не покаяются истине, но предаются неправде, — ярость и гнев» (Римл. 2, 5—6 и 8).

Все члены Православной Церкви глубоко убеждены, что усилия к миру не достигли своего предела. Безумие войны еще можно исцелить. Нельзя оставлять попыток к мирному разрешению противоречий между народами, еще осталась возможность договориться о мире путем сокращения вооружений, путем братского соглашения о разоружении, подкрепленного постоянной проверкой честных условий сокращения армий и орудий войны. Гонка вооружений, как показывает история, обычно оканчивалась войной. А в войне бедствия враждующих сторон неисчислимы: «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом» (Откр. 13, 10).

Православные люди выражают свой гневный протест и против вмешательства одного государства во внутренние дела другого. В целях захвата чужих земель, в целях порабощения малых народов, в настоящее время сильные государства вторгаются в пределы малых народов. Кичащиеся своей силой, растреленные ненасытным обогащением крупные дельцы США вторглись в небольшую Корею и там хозяйничают, не считаясь ни с волей народа, ни с его национальным достоинством. Налицо — нарушение прав малого народа со стороны сильного государства, руководимого кучкой капиталистов, жаждущих наживы. А евангельская заповедь любви гласит: «Кто из вас больше, будь как меньший» (Лк. 22, 26). Не искательство богатства посредством оружия, а дары любви, содружества, сотрудничества должны руководить народами в их взаимоотношениях: «Будем искать того, что служит к миру» (Римл. 14, 19).

ПРОФ. Н. ДОКУСОВ

ВЕЛИКОЕ СЛУЖЕНИЕ ДЕЛУ МИРА

(К УЧАСТИЮ МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО НИКОЛАЯ НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ СТОРОННИКОВ МИРА В ВАРШАВЕ)

В исторические дни 16—22 ноября 1950 г. чувства и мысли всех миролюбивых людей, живущих надеждою на устранение опасности новой мировой войны, были устремлены к «Дому Польского слова» в Варшаве, где происходил Второй Всемирный конгресс сторонников мира. На заседаниях этого конгресса представители более чем 80 народов земного шара обсуждали самый важный вопрос современности — вопрос сохранения международного мира — и выносили решения о том, как сделать этот мир длительным и прочным.

Среди 120 ораторов, выступивших с трибуны Второго Всемирного конгресса сторонников мира, были и представители различных христианских исповеданий, сближающиеся между собой на почве общей исторической работы. Католический священник из Италии Андреа Ганджеро в своей речи сказал о том, что любовь является единственным законом, объединяющим всех людей, и если люди не готовы для любви, они, тем не менее, созданы для нее, а любовь начинается тогда, когда царствует мир. Пастор Эпхаус из США высказал предложение о дружеском мирном соревновании между США и Советским Союзом. Ирландский священник Армстронг заявил, что единственный путь к миру — это поддержание контакта между представителями различных взглядов и совместные усилия для преодоления препятствий к сотрудничеству между народами. Шведский пастор Свен Хектор призвал добиваться запрещения атомного оружия и всех видов оружия массового уничтожения. Католический священник Плойгар отметил, что христианские церкви в Чехословакии и их священники с радостью включились в движение сторонников мира и приняли самое активное участие в кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. Известный аббат Булье из Франции посвятил свою речь вопросу борьбы против военной пропаганды, которая, как правило, сочетается с пропагандой антикоммунистической. Настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон выразил свои симпатии Востоку, который думает о мире, говорит о мире, планирует мир, и цитатами из американской печати показал, почему на Западе страшатся слова «мир» и почему там запретили конгресс мира. С выражением полной поддержки делу защиты мира выступил также представитель Румынской Православной Церкви Митрополит Севастиан. С интересом было выслушано выступление декана теологического факультета Варшавского университета аббата Чуя, который заявил, что представители католической интеллигенции Польши решили присоединиться к активной борьбе в защиту мира и сделать все, что в их силах, чтобы объединить усилия всех честных людей на борьбу за мир.

В том же духе высказались и другие представители разных хри-

стианских церквей. Все они заявили о своем содействии делу мира, высшим выражением которого является заповеданное Христом Царство Божие.

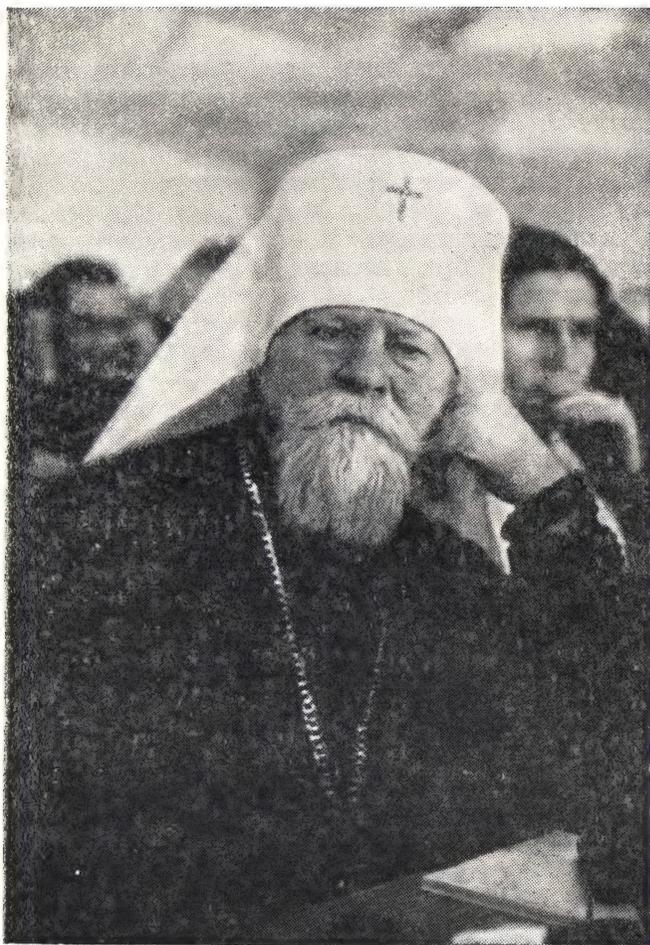
На утреннем заседании четвертого дня Всемирного конгресса выступил представитель Русской Православной Церкви Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Его вдохновенная речь была отмечена особенным интересом и вниманием конгресса. Когда председательствующий объявил о его выступлении, президиум конгресса, а также все делегаты и гости, заполнявшие огромный зал, как один поднялись со своих мест, чтобы выразить представителю Русской Православной Церкви свое уважение и готовность выслушать его новые призывы к спасению человечества от зла войны. Долго не смолкавшие овации проводили Митрополита Николая на трибуну Всемирного конгресса.

Свою речь Митрополит Николай начал среди глубокой тишины переполненного зала. Увенчанный белым клобуком — символом высокого служения, — он заговорил как вестник всеобщего мира, по которому тоскует все человечество. Первыми же словами своего обращения — «дорогие друзья мира» он как бы связал присутствующих в зале в единую братскую семью и затем стал говорить о событиях, составивших историю защиты мира за время, прошедшее между двумя Всемирными конгрессами сторонников мира.

Подчеркнув факт объединения людей различных убеждений, Митрополит Николай вскрыл тот внутренний стимул, которым движимы эти люди в своей благородной борьбе против поджигателей войны. «Не только инстинкт самосохранения, — сказал он, — не страх перед новой катастрофой был движущей силой этих людей в их стремлении отстоять дело мира. Нет, все мы знаем, что главным их стимулом было и есть стремление высокого морального порядка, стремление предотвратить массовое преступление, каковым является всякая новая агрессия, влекущая за собой уничтожение не только воюющих армий, но и масс мирного населения, примером чего является Корея сегодняшнего дня».

В указании Митрополита Николая на «стремление высокого морального порядка», как на побудительную причину движения сторонников мира, прозвучала глубокая вера в нравственное достоинство людей, противостоящих самодовольству и жестокому эгоизму поджигателей войны. Последние, ради своего обогащения и господства, хотели бы истребить всех, кто мешает их планам, а первые ставят своей целью добиться такого положения, при котором жизнь народов не подвергалась бы опасности истребления. Исключая из своей программы эгоизм личного, национального и расового существования, они противопоставляют ему «стремление высокого морального порядка», преследующего достижение мирного сотрудничества всех народов во всех областях жизни и культуры.

Такое благородное стремление людей доброй воли не может не получить благословения Церкви Христовой, которая словом и делом проповедует людям мир, принесенный на землю Господом нашим Иисусом Христом. Благословляя стремление к миру, Церковь в той же мере осуждает «ничтожную кучку людей злой воли», которые уже занесли «свой преступный меч над головой всего человечества» и готовы «отнять у людей их величайшее благо — мир, это первое и необходимое условие жизни и прогресса». Благословение и содействие делу мира вместе с осуждением войны и ее зачинщиков — прямой и естественный долг Церкви, от имени которой говорил на конгрессе Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, и никакие наветы враждебной пропаганды не могут умалить святости этого долга, не могут умалить и подвига Церкви, призывающей людей к жизни, к собиранию жизненных сил для спасения мира.

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАИ
В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ КОНГРЕССА

*
* *

Может ли Церковь, составляющая средоточие мира Христова, иметь иное отношение к современному вопросу о мире и его нарушителях, чем то, какое заявила она на конгрессе устами Митрополита Николая?

Ответом на этот вопрос может служить тот многозначительный факт, что Церковь Христова не отчуждается от мира, не устраняется от его истории, но следит за готовностью сердца человека для евангельского посева и во всякую погоду, по всякому ветру спешит сеять семена новой жизни, принесенной на землю Господом нашим Иисусом Христом, чтобы собрать плоды Царствия Божия и совершить свое миротворческое дело.

С той же целью Церковь принимает участие и в решении современного вопроса о предотвращении новой мировой войны. Уже в самом факте борьбы народов за мир церковное сознание видит «стремление высокого морального порядка», как и верный признак того, что мирская среда, в которой развивается движение сторонников мира, способна быть нивой для Царствия Божия. К возделыванию этой нивы Церковь и призвала всех христиан устами Митрополита Николая, который сказал в своей речи: «Дорогие братья и сестры! Я хотел бы раздвинуть стены этого зала до пределов вселенной, я желал бы, чтобы мои слова дошли до всех людей мира».

Таково стремление Церкви обнять своей любовью и верой всех людей, все мироздание. И Митрополит Николай, воплощая это стремление, имел право сказать далее делегатам конгресса: «Выступая здесь перед вами, я говорю не только как гражданин моей миролюбивой советской державы, — я говорю здесь как епископ Русской Православной Церкви и от лица ее, с сознанием лежащей на мне ответственности за каждое произнесенное слово перед исповедуемым мною Богом, Православной Церковью и историей, и, как таковой, хочу быть услышанным прежде всего теми, кто считает себя христианином не на словах, а на деле».

Как гражданин миролюбивой советской державы, Митрополит Николай встал на высоту верности своему земному Отечеству, которое является оплотом мира во всем мире. Как епископ Русской Православной Церкви, он возвысился над всеми перегородами, разделяющими людей, и заботливым оком сеятеля посмотрел с церковной высоты на это безграничное поле, готовое принять в свои глубокие борозды семена любви и мира. В тишине глубокого внимания восприняло оно благовестие Митрополита Николая о служении Церкви делу мира: «Русская Православная Церковь, — сказал он, — с той же безоговорочной решительностью, с какой встала она на защиту потоптанных родных нив и поруганных святынь в Отечественной войне, с самого начала появления угрозы новой войны вошла в ряды борцов за мир. Русская Православная Церковь, оберегающая основы первохристианской Церкви, в служении миру видит одну из первейших своих задач».

Эти слова о служении Церкви делу мира дошли до сердца каждого искреннего сторонника мира. Делегаты конгресса почувствовали, какой подвиг несла и продолжает нести Русская Православная Церковь в своем служении делу мира, делу спасения всего человечества, и выразили свои чувства в бурных аплодисментах, много раз прерывавших речь Митрополита Николая.

*
* *

Если сторонники мира всюду приветствуют миротворческую деятельность Церкви Христовой, то некоторые из западных христиан, связанных военной пропагандой и политическими предубеждениями, отно-

сятся к ее деятельности так же осудительно, как и к движению сторонников мира. Подозревая это движение в стремлении установить такой мир, который будет удовлетворять только определенному строю идей или интересов, они не хотят признать, что любой строй мысли, за исключением разбойничьего, может доказывать свою жизненность чем угодно, только не силой оружия. Им все еще чужда та истина, «что никогда в истории не удавалось одному народу путем насилия навязать свою идеологию другому, что все крестовые походы были не только порочны с христианской точки зрения в своей идее, но и практически были всегда обречены на провал», — как сказал в своей речи Митрополит Николай. К тому же мир, в человеческом его понимании, определяется не господством силы, а взаимной терпимостью и уважением, чего и добиваются сторонники мира.

Другие христиане, подобно архиепископу Кентерберийскому Джоффри, оправдывают свое отрицательное отношение к движению сторонников мира духовной слепотой последних к Евангелию, но, вместо того, чтобы послужить их прозрению, прячутся за ограду из атомного оружия. Такой уход от христианского решения задачи означает не что иное, как уклонение от участия в историческом прогрессе, путем которого человечество должно придти к новому Иерусалиму. То же уклонение может быть результатом неверия в Евангелие, ибо, говоря о христианском мире, основанном на любви и милосердии, некоторые христиане не проявляют никакого милосердия, когда их сородичи истребляют мирное население Кореи, и совсем не нуждаются в любви, чтобы угнетать колониальные народы. А действительная сила любви и милосердия обязывает христиан к тому, чтобы они своим участием в борьбе народов за мир стремились приблизить его к христианскому идеалу.

Русская Православная Церковь и заботится о внесении в человеческий мир евангельского духа своим участием в движении сторонников мира. Вместе с ними «она осуждает всякую агрессию, она — устами своего Патриарха Алексия — призвала всех своих пасомых поставить подписи под Стокгольмским Воззванием и обратилась с соответствующим призывом ко всем братским Православным Церквам. В своем служении делу мира и в стремлении его защитить она единодушна со всем советским народом. В согласном огромном хоре борцов за мир уверенно и отчетливо звучит голос Русской Православной Церкви, показывая ее верность заветам Христа и преданность своей Родине и делу защиты мира».

Так говорил, обращаясь к конгрессу, Митрополит Николай, и его слова о служении Церкви делу мира были приветствуемы людьми самых различных религиозных и политических убеждений, потому что в этом бескорыстном и самоотверженном служении они почувствовали духовную красоту и святость Церкви, исполненной заботы о спасении людей. В жертвенности Церкви, защищающей свой народ и совершающей подвиг служения всеобщему миру на земле, им представилась не судящая, а спасающая Церковь, которая помнит и исполняет слова своего Господа: «...не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него» (Ио. 3, 17).

Не Церкви ли надлежит продолжать на земле дело Христово, дело спасения людей? Не она ли должна делать их участниками всех тех благ, какие дарует Царство Христово истинным чадам своим? И Церковь дает современности ясный ответ: активно участвуя в деле защиты мира, она радуется единению христиан, стремящихся к той же цели. Поэтому Митрополит Николай, обращаясь к христианам всего мира, представленным на Втором Всемирном конгрессе многими священнослужителями и мирянами, сказал: «Русская Православная Церковь преисполнена глубокой радости, находя широчайшее сочувствие среди верующих и ру-

ководителей других христианских церквей. Рука об руку в благородной борьбе за мир, вместе с известным богословом, уважаемым всеми нами, католическим аббатом Булье, идут столь же всеми уважаемый настоятель Кентерберийского собора д-р Хьюлетт Джонсон и профессор Кембриджской богословской семинарии в Америке священник епископальной церкви Джозеф Флетчер. Отраднo знать и видеть, как выступлениям в защиту мира верующих католиков и католических священников и епископов Польши, Чехословакии, Венгрии, Франции, Бельгии, Италии, стран Латинской Америки, выступлениям, навлекающим на себя даже кары со стороны Ватикана, широко отвечают протесты против зачинщиков войны со стороны многочисленных представителей протестантского мира: евангелическо-лютеранской, евангелическо-реформатской и других христианских церквей. Как дорого нам, православным, это единение в деле защиты мира с верующими всего мира!»

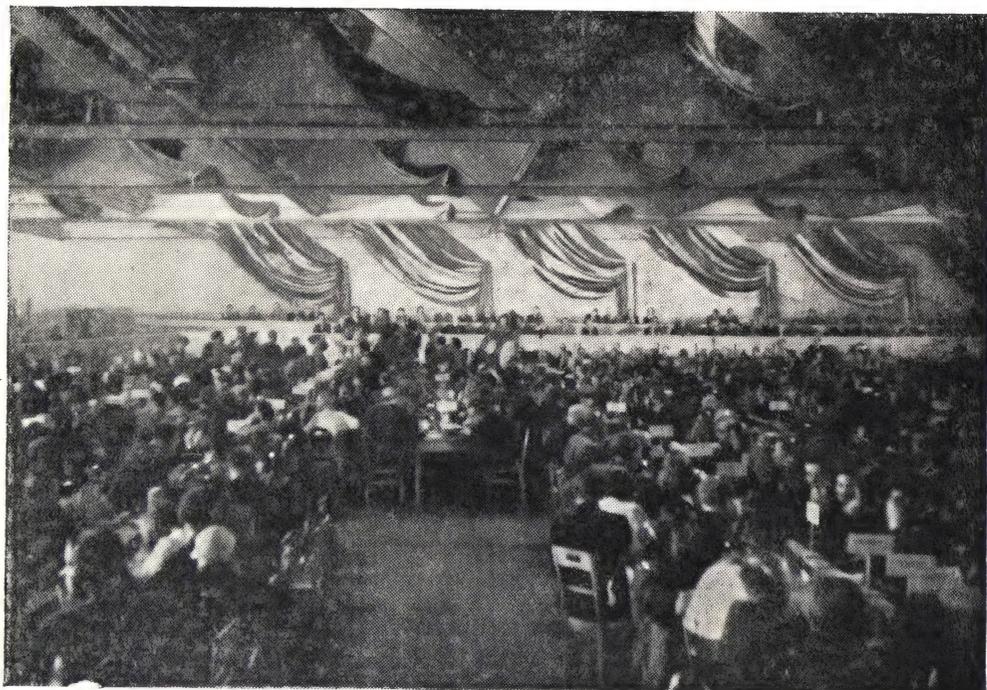
Почему дорого Православной Церкви такое единение христиан, показывает тот несомненный факт, что вера и образ Христов поныне продолжают жить в сердцах множества католиков, несмотря на подмену Божественной власти человеческой властью римских первосвященников. Современное единение христиан дорого Православию и потому, что протестанты разных направлений, как и христиане англиканского исповедания, на опыте убеждаются в необходимости церковного единства, тверднейшей которого является соборность Православия. Единством мнений и еще более единством действий христиане всех исповеданий могут составить мощный фронт против врагов человечества и разоблачением их антихристианских планов и намерений обнажить корни мирового зла, угрожающего истребить самую жизнь на земле.

Поэтому Митрополит Николай сказал далее: «Виднейшие из религиозных деятелей выступают сейчас на нашем Втором Всемирном конгрессе сторонников мира со словами обличения, разоблачения и протеста против тех, кто не только антихристианской, но и античеловеческой работой вносит себя в список преступников против человечества. Мы пламенно зовем: пусть все христиане всего мира будут борцами за мир, исполняя свой христианский долг!». И этот призыв вновь прозвучал напоминанием о том, что защита мира является для последователей Христа оправданием их христианского звания.

Вместе с тем Митрополит Николай засвидетельствовал перед Всемирным конгрессом христианскую помощь растущему движению сторонников мира, как и всем благим начинаниям человечества. Указывая на антихристианскую работу инициаторов новой войны, он поставил ее в один ряд с античеловеческой работой и взял под защиту Церкви общечеловеческие интересы.

* *
*

Далее Митрополит Николай перешел к корейским событиям, показавшим античеловеческие и вместе антихристианские действия врагов мира. «Разве можно, — сказал Митрополит Николай, — спокойно слушать рассказы очевидцев о том, что творится в Корее, о виселицах, расстрелах, страшных пытках, применяющихся не только к пленным, но и к мирному населению — к детям, старикам, женщинам, больным; о тысячах бомб, сбрасываемых на госпитали, приюты, школы, об огненной лаве, льющейся с самолетов и сжигающей города, села, пашни, людей? Разве можно без содрогания, глубокой жалости и сочувствия к невероятным страданиям маленького свободолюбивого народа слушать и читать о том, в который свергнута страна древнейшей культуры и добрых нравов?».

ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ КОНГРЕССА ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ

На эти два вопроса, продиктованных возмущенной христианской совестью представителя Церкви, не понадобилось ответа со стороны делегатов Всемирного конгресса сторонников мира, потому что они собрались вместе, движимые тем же протестом против бесчеловечности новых «завоевателей» мира, и здесь, вместе с Митрополитом Николаем, вновь пережили глубокое возмущение их человеконенавистнической идеологией, выраженной ректором одного из американских университетов д-ром Нэнсом, который печатно одобрил бактериологическую войну, применение газов, атомной и водородной бомб и межконтинентальных ракет, в принципе отвергнув всякое милосердие.

Такова глубина человеческого падения, что основные, изначальные человеческие понятия оказываются в ней не только искаженными, но в устах падших приобретают прямо противоположный смысл, по которому «убийство возводится в добродетель, а стремление к миру именуется преступлением». Неудивительно поэтому, что лагерь войны начинает походить на дом для умалишенных, где чувства страха и подозрительности изобличают полную обреченность его обитателей. Только твердой волей сотен миллионов людей можно оградить мир от их безумных намерений.

Обличив врагов мира, Митрополит Николай противопоставил их нравственной несостоятельности миролюбие своей Родины, которая считает агрессивные, захватнические войны чудовищным преступлением перед человечеством. «Моя Родина,— сказал Митрополит,— ни на кого не собирается нападать, она желает жить в мире и сотрудничать со всеми странами мира, независимо от их политического и государственного устройства».

Это свидетельство служителя Русской Православной Церкви в пользу миролюбия Советской державы выразило всеобщее убеждение делегатов конгресса в том, что ни христианская совесть, ни здравый смысл

верующих и неверующих людей не противится тому, чтобы вражда двух лагерей уступила место взаимному доверию и чтобы различные системы социального устройства мирно соревновались. При этом народы и государства могут стремиться к тому, чтобы превзойти друг друга, но не в гонке вооружений, не в угнетении малых народов, а в созидательной работе на благо людей, и тогда сама жизнь укажет, какие формы общественно-политического устройства являются наилучшими.

На такой, приемлемой для всех, программе мирных условий сошлись все искренние сторонники мира, в том числе и Русская Православная Церковь, у которой своя задача: благословляя мирное соревнование народов, побуждать верующих к тому, чтобы они своей личной жизнью, своей нравственной дисциплиной старались превзойти обычный уровень жизни общественной и тем самым открывали человеческому роду новые сокровища мира Христова.

Заканчивая свою речь, Митрополит Николай сказал, что Русская Православная Церковь, во главе с Патриархом Алексием, призывает благословение Божие на труды Второго Всемирного конгресса сторонников мира, молится об успехе его работы и уверена в добрых ее результатах на пользу всего человечества.

Благословением трудов Всемирного конгресса сторонников мира Русская Церковь показала, как близки и дороги ей судьбы человеческого рода, на исторических путях которого она проходит как сеятельница евангельского слова во имя спасения всех людей. И Церковь верует, что в меру своего стремления к миру и справедливости человечество будет преуспевать в своем нравственном развитии и материальном процветании.

Второй Всемирный конгресс сторонников мира заявил свое уважение к Русской Православной Церкви. Оно выразилось в подъеме духа, вызванном у делегатов конгресса речью Митрополита Николая. Когда он кончил говорить, весь многолюдный зал поднялся с мест, чтобы приветствовать посланника Русской Православной Церкви благодарными овациями, поздравлениями, чувствами радости и восторга, уверенности и надежды.

Эти чувства выразили не только благодарность Всемирного конгресса, но и его преклонение перед святостью Русской Православной Церкви в ее великом служении делу мира.

А. ВЕДЕРНИКОВ

ГРЕХ

С Л О В О,

СКАЗАННОЕ В ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ, ЧТО НА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ г. МОСКВЫ

Сегодня мы празднуем, дорогие мои, день Крещения Господня. Только что мы совершили священный обряд Великого освящения воды. И это совершенное нами священнодействие, и самое событие сегодняшнего праздника напоминают нам об одном. О чем? Об этом мы с вами и побеседуем.

Святая Библия говорит нам о том, что видимый мир, сотворенный Богом, вышел из рук своего Творца чистым, святым, совершенным. «И увидел Бог все, что Он сотворил, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1, 31). И это потому, что все создавалось Всемогуществом Божиим, оживотворялось Духом Божиим и было запечатлено благословением Божиим. Чистым и безгрешным был сотворен и первый человек. Все стихии мира были послушны ему и служили тому, чтобы не разрушался его телесный состав, предназначенный к бессмертию.

Но вошел в сердце человека грех. Этим грехом первый человек осквернил и свое тело. Печать этого греха легла на всем, к чему прикасался человек, на всем окружающем его мире: и животный мир вышел из повиновения человеку, и стихии перестали быть послушными ему. Земля стала произрастать «волчцы и терние» и временами засухой отвечала на труды человека; воздух, насыщаясь запахом тления или каких-либо веществ, нередко становится смертоносным для человека; вода, заражаемая нечистотами, нередко делается губительной для жизни и здоровья человека.

Возвратить земле благословение Божие, очистить и освятить все оскверненное грехом человека может только один Всемогущий Бог. И вот, Сын Божий, приняв плоть человеческую, сходил на землю для того, чтобы, по слову Апостола, осудить грех во плоти (Римл. 8, 3). Очистив и освятив наше естество в Самом Себе, через него Он освятит и всю тварь. Для того и погружался Господь Иисус Христос в Иордане, чтобы освятить водное естество и сделать его источником освящения для человека. Потому при Крещении Господнем в Иордане как бы повторялись чудеса творения: отверзались небеса, сходил Дух Божий, и раздавался голос Бога Отца.

Но если вода была освящена и очищена погружением в нее Господа Спасителя, то почему это освящение воды повторяется каждый год Православной Церковью? Вот почему. Человек продолжает носить в себе склонность ко греху, греховное семя, и, имея свободную волю, может попускать этой склонности претворяться в грех, а своим грехом он, подобно первому человеку, оскверняет все, к чему прикасается. Потому

Господь Иисус Христос и учредил Свою Церковь на земле, чтобы она силою Духа Святаго и молитвами священнослужителей всегда имела у себя неоскудеваемый источник освящения и жизни. Святая Церковь низводит благодать Божию на освящаемую ею воду и, окропляя этой водой все, чем пользуется человек в этом мире, и самого человека питая этой водой, содействует всеобщему очищению и освящению.

В нашей книге «Требник» содержатся молитвы на освящение, через окропление святой водой, всего, что нужно человеку в его земной жизни: молитвы на основание дома, на вхождение в новый дом, на благословение колодца, земли перед сеянием, на освящение гумна, начатков плодов и овощей, на освящение всякой новой вещи, которую приобретает человек для своего пользования, и много других молитв.

Потому наша Церковь совершает в праздник Крещения Господня Великое освящение воды, чтобы возвратить водной стихии первобытную чистоту и святость — те свойства, какие имела вода в реке Иордане при погружении в нее Господа Иисуса Христа. Значит, крещенской водой мы очищаемся и освящаемся нашими душами и нашими телами. Значит, это наше великое священнодействие должно напоминать нам о грехе, которым мы оскверняем самих себя и все, что нас окружает, и о нашем христианском долге очищать себя от всякой греховной скверны.

А о чем нам напоминает самый праздник Крещения Господня, самое событие, прославляемое сегодня нами?

Господь Иисус Христос Своим Крещением начал дело спасения людей от греха, Своей земной подвиг служения людям, чтобы, совершив его, через Свою Смерть, Воскресение и Вознесение на небо войти в Свою предвечную славу. Своим примером, а на конце Своего пребывания на земле и словом (Мф. 28, 19) Он установил Таинство Крещения, через которое и мы, как через некую дверь, вступаем на путь своей земной жизни, своего земного подвига. Через Таинство Крещения мы входим в семью детей Небесного Отца и приобретаем право на наследование вечного блаженства. И над нами в святые минуты Крещения как бы разверзались небеса, и Дух Святой сходил на нас Своею благодатью, и Бог Отец усыновил нас Себе, соделав нас с этой священной минуты Своими детьми.

Таинство Крещения, которое все мы, православные люди, приняли в детстве, омыло с нашей души и те следы прародительского греха, совершенного первыми людьми, с какими рождается каждый человек.

И каким чистым, святым и безгрешным был каждый из нас в дни своего младенчества! О, если бы мы сохранили эту чистоту, если бы мы пронесли эту святость через весь свой земной путь! Но мы не сохранили этой чистоты и этой святости.

Когда человек идет по болоту, пятна и брызги грязи прилипают к его одежде, и, чем дальше он идет по болотистой земле, тем все больше грязнится его одежда. Так происходит и с той белоснежной одеждой нашей души, с какой мы вышли из купели святого Крещения: сначала грех лежит малыми пятнами, а потом покрывает ее целыми пластами. Когда мы проходим через колючие кусты, наша одежда рвется, и, если нам нужно много преодолеть этого колючего кустарника на своем пути, мы изорвем всю одежду. Так жало греховное и грязь наших пороков и страстей пачкают и рвут одежду нашей души. И что было бы с человеком, если бы у него не было средства очистить и исправить эту свою одежду или заменить ее новой!

Но Господь не оставил нас и в таком состоянии без Своей Божественной помощи. Для того Он и поручил Своей Церкви преподавать нам благодать покаяния, чтобы этой благодатью при наших слезах раскаяния наша душа облекалась в чистую, новую одежду, такую же, в какой она была в дни нашего младенчества.

О, какое это чудодейственное средство! Святые Отцы Церкви называли покаяние вторым крещением, или спасительной доской после кораблекрушения. Благодать покаяния всегда, в каждом храме, каждый день ожидает нас, чтобы снизойти в наше кающееся сердце. Нужно только одно: чтобы наше покаяние было не только произнесено нашими устами, но чтобы участвовало в нем все наше сердце, все наше внутреннее существо.

Каким должно быть и наше раскаяние во грехах?

Когда хорошее, неспорченное дитя провинится в чем-нибудь перед своими родителями, оно спешит рассказать об этом отцу или матери и говорит не иначе, как с горькими слезами и с чувством стыда. Это образец нашего покаяния: горькие слезы от сознания своей вины и стыд за совершенный проступок.

Вспомните блудного сына, который не только принес сокрушенное покаяние перед лицом встретившего его отца, но еще по пути к отцу, когда в его сердце еще только зародилась мысль о покаянии, он уже сокрушался словами: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим» (Лк. 15, 21). Приносимое нами покаяние должно начинаться у нас, как только мы сознаем, что совершили греховное преступление перед Богом и Его заповедями.

Все вы знаете о великом подвижнике четвертого века преподобном Ефреме Сирине, который в своих подвигах достиг высших ступеней чистоты и смирения. И вот какие слова этого подвижника, записанные его учениками, исторгались из его сердца: «Однажды вдруг пришел мне на память страшный день пришествия Христова. Все кости мои вострепетали, ужас объял тело и душу мою, от скорби сердца начал я плакать и, стелая, говорил: как я, грешный, явлюсь в этот страшный день? Мученики покажут свои язвы, подвижники — добродетели, а я что покажу, кроме нерадения и лености?» Вот как надо каяться в своих грехах. Чем чище душа человека, тем яснее его духовному взору и самые малые греховные пятна на бессмертной душе.

Вот так и событие Крещения Господня, напоминая нам о нашем Крещении, о нашем безгрешном младенчестве и о наших многочисленных грехопадениях, зовет нас, если мы хотим быть верными детьми своего Небесного Отца, поборать в себе все скверное, смрадное, греховное и очищать от этого свою душу, зовет никогда не забывать, что не войдет в Царствие Небесное «ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи» (Откр. 21, 27).

Грех — это страшная зараза. Если человек, уколов себе палец, внесет через этот укол в свое тело заразу, то у него начинает болеть, лихорадить все тело. И грех, как бы он ни вошел в нашу душу — через зрение, через слух, через руки или ноги, — заражает все наше внутреннее духовное существо: и сердце пленяется грехом, и думает человек о грехе, и воля его хочет повторения греха.

Грех — это яд, которым отравляется наша богоподобная, бессмертная душа, и если этого яда мы не извлечем из сердца, то душа будет обречена на вечную смерть.

Грех — это сети, в которых запутывается наша душа, как птица, попавшая в сети ловца, лишаясь свободы и проявления своей воли.

Грех — это стена, которая создается между нами и между Богом, ибо «мерзость пред Господом — путь нечестивого» (Притчи 15, 9), и разрушить эту стену может только наше покаяние.

Грех — это камни, закрывающие нам вход в Царствие Небесное, потому что нераскаянный грешник лишается счастья наследовать то, что Господом приготовлено для Его детей.

Итак, дорогие мои, видя в грехе своего самого страшного врага, какой только может встретиться человеку в его земной жизни, будем бо-

роться с ним. Пока мы еще живы, ходим, видим, пока в груди не перестало биться живое сердце, надо спешить очищать себя покаянием и приобретать вместо гордости — смирение, вместо злобы и жестокости — сострадание и любовь, вместо плотской нечистоты — целомудрие и воздержание.

Для того и совершил Свой земной подвиг Господь Иисус Христос, начав его Крещением в реке Иордане, чтобы открыть нам двери Царства Небесного, научить нас идти к этим дверям и через Свою Святую Церковь подавать нам помощь в борьбе с грехами на всем нашем земном пути.

Пусть будет страшно каждому из нас оттолкнуть эту любящую руку Небесного Отца, простертую к нам с Его Божественной помощью, и умереть для вечной жизни.

Митрополит Николай

ИЗ ЖИЗНИ АРХИЕПАРХИАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

КИПРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Его Святейшеством, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием получена известительная грамота избранного на Кипрский Архиепископский престол Блаженнейшего Макария III.

Избрание и интронизация нового Предстоятеля Кипрской Церкви состоялись 20 октября 1950 г.

«СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ, И НА ЗЕМЛИ МИР, В ЧЕЛОВЕЦЕХ БЛАГОВОЛЕНИЕ»

Ветхозаветный св. пророк Исаия, за семь с половиною веков провидя день, когда «произойдет Отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его», так характеризовал это благодатное время: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Ис. 11, 1 и 6—9).

По другому поводу пророк Исаия свое внимание останавливает на характеристике Божественного Младенца, имя Которого: «Чудный, Советник, Бог Крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис. 9, 6).

С появлением на земле этого Божественного Младенца в человеческих отношениях произойдут радикальные перемены: «...и перекуют мечи свои на орала и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут больше учиться воевать» (Ис. 2, 4).

Трудно, да и едва ли возможно, более ярко представить себе христианские времена. Св. пророк Исаия объясняет и прочие перемены настроений среди людей. Люди станут иными потому, что «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11, 9).

Лучшие умы в языческом мире сознавали необходимость сверхъестественной помощи, чтобы была «сброшена пелена с человеческих глаз». Языческий пантеон не удовлетворял религиозному чувству язычника, и, наряду с храмом Артемиды в Ефесе, св. ап. Павел встретил в Афинах жертвенник с красноречивой надписью: «Неведомому Богу» (Деян. 17, 23). К числу таких ищущих истины язычников принадлежали и мудрецы с востока, пришедшие на поклонение родившемуся в Вифлееме Христу Спасителю.

Но мы знаем и другие явления. Не находя ответа на мучительные вопросы, волновавшие человеческий ум в религиозных и философских системах, язычник приходил к выводу, что вообще не может быть объективной истины. Понтий Пилат, вероятно, убежденно и вполне искренно сомневался в существовании каких бы то ни было истин. Когда Христос сказал Пилату, что Он на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине, Пилат бросил на это только скептическое замечание в виде вопроса: что есть истина? И дальше не стал ожидать ответа на этот полувопрос, полуреплику (Ио. 18, 38). Скептицизм теоретический в практической жизни приводил к падению нравов. Ветхозаветный мудрец очень ярко обрисовывает идеологию таких скептиков:

«Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотою его». Какой же практически вывод делали отсюда скептики? «Будем же наслаждаться настоящими благами...; преисполнимся дорогим вином и благовониями...; увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли... Будем притеснять бедняка..., не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца. Сила наша да будет законом правды... Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах...» (Премудр. Солом., 2, 2—4, 6—8, 10—12).

Мы несколько задержались на характеристике идеологии скептика дохристианского времени, чтобы представить более ярко психологию людей, которых Апостол именует «не имеющими надежды» (I Фессал. 4, 13), девизом которых было: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (I Кор. 15, 32).

Прошли века. Семь с половиною веков! Завершилась «полнота времени» (Гал. 4, 4). Не только старец Симеон, «чающий утешения Израилева», приняв во объятия Божественного Младенца, мог покойно и радостно войти в открывающиеся пред ним врата вечности. Пришел в мир Тот, Кто был предметом напряженных и томительных ожиданий лучших представителей мира языческого, воссиял свет и «к просвещению язычников» (Лк. 2, 32). В Вифлеемской пещере родился Тот Божественный Младенец, о Котором когда-то предвозвещал пророк Исаия. Пречистая Мать спеленала Его и положила в ясли, потому что не оказалось места в гостинице. Вот что рассказывает об этом событии новозаветный евангелист. Местные пастухи ночью охраняли в поле свои стада. «Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоились страхом великим. И сказал им Ангел: Не бойтесь! Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям; ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2, 8—14).

Как созвучна ангельская песнь с словами пророка Исаии! На земле мир! Но о каком мире говорил пророк Исаия, какой мир воспевали небесные силы пред вифлеемскими пастухами?

Мир для христианина — это мир с Богом, мир со своею совестью и мир с ближними. До примирительной Жертвы Христовой на Голгофе люди были врагами Божиими (Римл. 5, 10). Примирил нас с Богом Своими страданиями и смертью Христос, принявший на Себя грехи всего мира (I Петр. 2, 24). По вере в Христа Сына Божия, мы, люди, из врагов Божиих стали сынами Его и, как говорит апостол, получили право взывать к Богу: «Авва, Отче!» (Гал. 4, 6).

Страдания и смерть Сына Божия не только примирили людей с Богом, но стали залогом спасения их, «ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его» (Римл. 5, 10).

Об этом мире Христос говорил, идя на вольные страдания, в Своей прощальной беседе с учениками: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ио. 14, 27).

Мир, принесенный на землю Христом Спасителем, является для христианина и миром с ближними. Во взаимоотношениях между людьми христианство устанавливает принципы любви, кротости, терпения и мира.

Апостол прямо говорит, обращаясь к христианам, что «если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Римл. 12, 18). Христос Спаситель миротворцев именует сынами Божиими (Мф. 5, 9), поскольку они уподобляются Сыну Божию, уничтожившему вражду между Богом и людьми. Об этом благоволении (εὐδοξία) среди людей и возвещали небесные силы (Лк. 2, 14). Греческий подлинник означает то, что во взаимоотношениях людей, вместо прежней ненависти, злых действий, вражды и т. д., установится добрая воля, доброе решение.

Мир с Богом, мир со своей совестью, мир с ближними — вот тот мир, о котором говорил некогда пророк Исаия, о котором пели хоры небесных сил, мир, который преподавал Своим ученикам воскресший Христос (Ио. 20: 19, 21 и 26) и о котором мы слышим постоянно в Церкви в обращении священнослужителей: «Мир всем!»

Однако не только в прошлом, но буквально на наших глазах рушатся, казалось бы, самые прочные мирные договоры, вчерашние союзники становятся врагами. Больше того, учреждения, организованные официально для поддержания мира во всем мире, превращаются в руках поджигателей войны в орудия кровавой расправы даже над совершенно мирным населением: стариками, женщинами, детьми.

Исходя из ясных указаний слова Божия, нельзя допускать и мысли, чтобы христианин находился в лагере поджигателей войны. Православная Церковь призывает человечество к миру, во имя любви к Богу и ближнему, искупленному бесценной Кровью Христа Спасителя.

Об отношении Церкви к миру между всеми народами земли говорит Обращение Святейшего Патриарха Алексия к епархиальным Преосвященным, датированное 1 мая 1949 г. Церковь решительно отстаивает идею мира и борьбы против сторонников новой войны¹. В своем «Послании Богохранимой пастве Российской» Святейший Патриарх Алексий указывает, как Православная Русская Церковь, провозвестница мира, заповеданного Христом Спасителем, может участвовать во всенародном изъявлении воли к миру между всеми народами мира. Конечно, на первом месте Святейший Патриарх ставит молитвы к Спасителю мира о даровании мира всему миру. Но, кроме того, каждый из членов Церкви Христовой должен отдать все свои силы на дело борьбы за мир путем самоотверженной работы каждого в своей области труда во благо Родины, на дело сохранения мира². «Все учение Христа — говорит Святейший Патриарх Алексий в своем Обращении (3 марта 1950 г.) к Предстоятелям всех Православных автокефальных Церквей, — есть проповедь о мире между людьми. И надо верить, что оружием христианской проповеди, делами любви, жертвенными намерениями мы, православные христиане, в силах разоружить глашатаев войны, каким бы оружием они ни бряцали...»³.

Православная Церковь не только своих чад зовет к борьбе за мир, но призывает всех, кому дорог мир, без различия религиозных, политических взглядов, независимо от национальной и расовой принадлежности, поддерживать стремление прогрессивной части человечества к объединению ради общей защиты мира⁴.

Отношение Православной Русской Церкви к новым поджигателям войны с исчерпывающей полнотой изложено в речи Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже 22 апреля 1949 г. «Еще видны, — говорил он, — по городам России и Западной Европы обугленные развалины, еще

¹ «Русская Православная Церковь в борьбе за мир». Издание Московской Патриархии. М. 1950 г., стр. 20—21.

² Там же, стр. 36.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 15.

вдовы не сняли траура по убитым мужьям, еще матери оплакивают пропавших сыновей и втайне надеются на чудо их возвращения, а новые могильщики уже раздувают свои дымные мрачные факелы... Многие из разжигателей новой войны считают и называют себя христианами. Мы, служители алтаря Православной Церкви, с изумлением взираем на эти попытки прикрыть священными для нас христианскими, евангельскими лозунгами проявления злобы и сатанинской ненависти...»⁵.

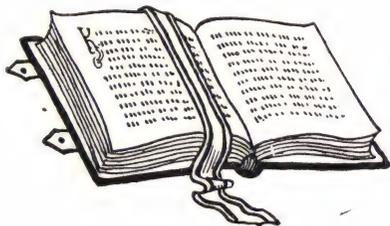
На Первой Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве, открывшейся 25 августа 1949 г., Православная Русская Церковь устами своего представителя Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая 26 августа еще раз осудила поджигателей войны и Ватикана, который «идейно и реально вдохновляет военную истерию нашего времени»⁶.

В защите мира Православная Церковь выступает как монолитная организующая сила. На Обращение Святейшего Патриарха Алексия (3 марта 1950 г.) к Предстоятелям всех Православных автокефальных Церквей вскоре же последовали от них единодушные отклики.

О том, как Русская Православная Церковь отстаивает интересы мира, можно судить по исключительно ярким выступлениям Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая на мировых конгрессах и всесоюзных конференциях.

Пусть ангельская песнь: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» раздастся не только в храмах, но и во всей вселенной, и пусть она остановит преступную руку поджигателей войны.

В. НИКОНОВ

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ Там же, стр. 29.

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

В течение долгого времени мне пришлось жить за рубежом своей прекрасной Родины.

С отделением в 1918 году от России Польши, я продолжал служить Православной Русской Церкви, хотя связь с Родиной у нас, там оставшихся русских, порвалась.

За верность Родине и Русской Православной Церкви я был выброшен Польским правительством Пилсудского из пределов Польши в Чехословакию.

И здесь продолжалось мое служение Православной Церкви в духе верности Святейшему Патриарху Московскому.

В 1945 году, по окончании победоносной Великой Отечественной войны, пала преграда между нашей Родиной и ее зарубежными сынами.

За долгий период жизни вне Родины не было у нас, верных ее чад, дня, когда мы не молились бы о возвращении домой из странствия во стране далече. Но исполняя церковное послушание, я оставался и служил родной Церкви за рубежом: после Чехословакии — в г. Вене, в качестве Патриаршего Экзарха Средней Европы, а потом в Берлине, как архиепископ Берлинский и Германский.

Величайшее утешение испытывал я, когда приходилось по делам церковным, по вызову Святейшего Патриарха Алексия, приезжать в Москву — в 1947 г. и в июле 1948 г. на Совецание Глав и представителей автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви.

Милостью и заботами Святейшего Патриарха Алексия, в сентябре 1950 года я получил назначение на древнюю кафедру Казанскую и, прибыв на место, спешу поделиться своими переживаниями и впечатлениями по возвращении на Родину.

Уже в прежние мои приезды в СССР, когда я был еще как бы гостем на родной земле, я видел, после долгой разлуки, огромные сдвиги в жизни моей Родины, которые, может быть, не так заметны тем, кто живет здесь постоянно.

Природный москвич, я, прежде всего, не узнал своей родной столицы. Подлинное значение Москвы — сердца нашей страны — вернулось к ней со времени Советской власти. И с этим внутренним ее значением так гармонично сливается прекрасное внешнее благоустройство, ставящее Москву впереди других европейских столиц. Мощь нашего народа, его великая жизнеспособность, его мужество и энергия особенно сказались в том, что он так быстро оправился после жестоких ран, полученных во время войны, и огромными успехами своего строительства превзошел даже мирные предвоенные масштабы.

Те же достижения увидел я в других городах нашего Отечества и особенно в городе-герое Ленинграде, так много перенесшем в тяжелые дни вражеской блокады.

К празднику 33-ей годовщины Великого Октября я прибыл на место своего нового служения, в старинный, исторический город Казань. Так радостно видеть множество богомольного народа в церквах, читать умиление на их лицах, чувствовать их ревность к храму Божию и устройство своей духовной жизни. Очень немного дней провел я среди благодаренной мне новой паствы, а уже всем сердцем чувствую, что это все — свое родное, что «се аз и дети, яже дал мне есть Бог».

Благодарю Бога, тако о мне изволившего, чувствую глубокую признательность к Святейшему отцу нашему Патриарху за его попечение о всех нас, воздавая дань почтения мудрому нашему Правительству, дающему спокойно развиваться нашей Святой Церкви на благо Родины. Я счастлив, что я, наконец, дома, на родной земле, и могу отдать остаток своей жизни на служение родному народу.

Я призываю своих пасомых отдать свои силы на дело, которое объединяет сейчас все трудолюбивые и миролюбивые народы, на творение мира в душе своей, в семье, обществе, в государстве и во всем мире.

**СЕРГИЙ,
АРХИЕПИСКОП КАЗАНСКИЙ И ЧИСТОПОЛЬСКИЙ**

ОТХОД ВАТИКАНА ОТ ОСНОВ ХРИСТИАНСТВА

«Пусть все исповедывающие Христа узнают, что есть в мире Единая, Святая, Соборная, Апостольская, Православная Церковь, ведущая к вратам Царствия Божия в неисчерпаемом изобилии обладающая всей полнотой благодатных даров Святаго Духа».

Святейший Патриарх Алексий¹.

Ватикан искажил основы христианства и, главным образом, основы еkkлизиологии, т. е. учения о Церкви.

Между тем, после вопросов Христологии вопрос о Церкви — самый существенный для христианской жизни, и только с точки зрения учения о Церкви могут быть ясны для каждого все заблуждения Ватикана.

По слову Иисуса Христа, «если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ио. 3, 3). Христианин, по Апостолу Павлу, должен быть «новой тварью» (2 Кор. 5, 17), «новым человеком» (Ефес. 4, 24). Где и как происходит это перерождение человека из ветхого в нового? Митрополит Московский Филарет так отвечает на этот вопрос: «Если естественное рождение Сам Христос представляет образом духовного и если для естественного рождения нужна матерняя утроба, то и для духовного рождения не нужна ли матерняя утроба, не в буквальном значении сего слова, как думалось Никодиму, но в высшем, соответственном предмету? Сей вопрос и оправдывается, и разрешается одним разом, если скажем, что матерняя утроба и сокрвщиница жизни для нового человека есть Христова Церковь».²

Что же есть Церковь Христова, и каким образом она рождает чад свободы и благодати? «Отходя от мира сего, — говорит тот же святитель, — последнюю с Апостолами беседу Христос заключил молитвою о новосозидаемой Церкви Своей. Всем верующим в Него просил Он от Отца Своего Небесного единения в вере и любви между собою, восходящего до единения с Самим Богом: «да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Иоан. 17, 21)».³ Единство верующих Христос поставил необходимым условием входа в Царство Божие. Если кто падает, то падает один, но никто не спасается один. Самое падение — не что иное, как отпадение от единства многих. Поэтому каждый спасается непременно в единстве со многими,

¹ Речь на пленарном заседании Совещания Глав и представителей автокефальных Православных Церквей в Москве 9 июля 1948 г. — «Деяния Совещания», т. I, стр. 94.

² Митрополит Филарет (Дроздов). Слова и речи, 1882, т. IV, стр. 514—515.

³ Он же. Слова и речи, 1861, т. III, стр. 350.

«так что, если кто и мнится иметь веру, но не держится великого единства всех верующих, за такого весьма надобно бояться, чтобы он не остался вне действия спасительной молитвы Христовой, а следовательно, и вне спасения; ибо нет сомнения, что спасутся токмо те, за которых принес молитву Свою Ходатай Бога и человеков и над которыми она исполнилась. Посему-то и Апостол, увещевая христиан поступать достойно своего звания, увещевает соблюдать единство (Еф. 4, 1—3). Открывая основания христианского единства и убеждая к соблюдению оного, Апостол присовокупляет: «едино тело, един дух, яко же и звани бысте во едином уповании звания вашего; един Господь, едина вера, едино крещение; един Бог и Отец всех, Иже над всеми и через всех и во всех нас» (Еф. 4, 4—6)»⁴. Апостол указывает внутреннейшее средоточие и крайний верх единства церковного во Едином Боге Отце... Более открытый источник единства церковного, по учению Апостола, есть Един Господь Иисус Христос, Который и нарицается в том же послании Главою Церкви, соответственно называемой телом Его (Еф. 1, 22—23; 4, 15—16)»⁵.

Таким образом, в молитве Иисуса Христа: «да будут все едино», как едино — Отец и Сын, определена вся сущность христианской жизни. Для установления такого именно единства верующих и создана Христом Церковь: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф. 16, 18). Отсюда, цель Боговоплощения, дело земной жизни Иисуса Христа — создание Церкви, т. е. «матерней утробы», в которой воссоздалось бы единство рода человеческого, нарушенное первородным грехом. «У людей, — пишет св. Василий Великий, — не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества...». И «это главное в Спасителевом домостроении во плоти — привести человеческое естество в единение с самим собою и с Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство, подобно тому, как наилучший врач целительными врачествами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части»⁶. Первобытное единство должно быть восстановлено именно на основе единства лиц Пресвятой Троицы. «Смотрите, — говорит св. Киприан, — какое Христос имеет желание: да и мы пребываем в том самом единстве, в каком Отец и Сын едино»⁷. Такое единство верующих во Христа и призвана осуществить созданная Христом Церковь.

Естественно отсюда, что «вопрос о существе Церкви должен занимать первое место в богословских системах», — как справедливо говорит исследователь этого вопроса Е. Аквилонов⁸. И не только, — добавим, — и не столько в богословских системах, сколько в самой жизни христиан.

Тем не менее, почти до отпадения Запада от единства Христовой Церкви, религиозное сознание было занято христологическими вопросами. «Восток прежде всего сосредоточил свое внимание... на Личности Христа Спасителя», — так как в правильном взгляде на Него заключалась «судьба всей жизни и будущности христианства»⁹. Сокровищница жизни — Церковь была фактом, из которого выходили защитники православия в борьбе с ересями.

⁴ Он же. Слова и речи, 1848, т. II, стр. 239.

⁵ Он же. Слова и речи, т. III, стр. 153.

⁶ Св. Василий Великий. Творения, ч. 5, стр. 359, 360. Свято-Троицкая Лавра, 1902.

⁷ Св. Киприан. Творения, т. 2, стр. 221.

⁸ Е. Аквилонов. «Церковь». — Научное определение Церкви и апостольское учение о ней, как о Теле Христовом, СПб. 1894, стр. 30.

⁹ А. Л. Катанский. Характеристика православия, римского католичества и протестантства, стр. 19 (см. Е. Аквилонов, цит. соч., стр. 59).

«Средневековые богословы также не изложили в своих сочинениях учения о Церкви. Даже у Фомы Аквината и у Бонавентуры нет обстоятельного о ней исследования».¹⁰ И только «временем западной церковной реформации открывается (по крайней мере, для инославных исповеданий) настоящая пора расцвета научно-богословской литературы по вопросу о Церкви».¹¹ Но Запад развил учение о Церкви, уже отпав от единства Христовой Церкви. «Все же, что только отделилось от матерних недр, не может само собой ни жить, ни дышать; теряет главную основу спасения».¹² Поэтому Запад развил учение о Церкви не библейское, а свое, новоизмышленное. И ни в чем другом, а именно «в вопросе о Церкви заключается вся сущность разногласий между Православием и его противниками».¹³ Отсюда, сопоставление православного и римского учения о Церкви не только вполне естественно, но и необходимо нужно, так как Запад к тому же незнаком с Православием. Известный путешественник А. Н. Муравьев писал в своих письмах: «Можно сказать вообще и без исключения, что духовенство Западного, будучи глубоко наставлено во всем, что касается собственной своей Церкви, совершенно невежественно касательно Востока; и человеку, несколько сведущему, совестно слушать, что они говорят о нашей Церкви и родине»¹⁴. А. С. Хомяков отмечал, что «для западного мира... неведома... религиозная мысль сынов Церкви».¹⁵ В наше время Святейший Патриарх Алексий свидетельствует: «До сих пор правды о Православии не знает большинство христиан».¹⁶ Ватикану «кажется, с одной стороны, что православные не знают и не оценивают подобающим образом великих достоинств Римской Церкви; с другой стороны — что в особенности верно — сами римо-католики незнакомы достаточно с Православием», — говорит проф. Ф. Попеску.¹⁷

Таким образом, сопоставление учения о Церкви Востока, с одной стороны, и Запада в лице Ватикана, с другой, вполне оправдано. Оно наглядно покажет каждому верующему, где содержится истина.

Итак, перед нами жизненно важный вопрос: что есть Церковь по существу? Посмотрим, как этот вопрос решает Римская Церковь, т. е. Ватикан. В римских катихизисах Церковь определяется, как «собрание верующих, соединенных между собою исповеданием Христовой веры и общением церковных таинств, под управлением законных пастырей и, преимущественно, единого на земле Христова наместника, Римского Первосвященника».¹⁸ «Беллярмин (Eccl. milit.) писал, что «Церковь есть общество людей, точно так видимое и осязаемое, как и общество римского народа»; что понятие о Церкви условливается «исповеданием веры, таинствами и повиновением папе»; что из Церкви исключаются «только неверующие, еретики и отступники — раскольники, которые не покоряются законному пастырю (папе)».¹⁹ В энциклике 1894 г. папа Лев XIII писал, что Церковь есть «совершенное общество», установленное Богом в поучение всему человечеству».²⁰

¹⁰ Е. Аквилонов. Цитир. соч., стр. 30.

¹¹ Там же, стр. 31.

¹² Св. Киприан. О единстве Церкви, стр. 119.

¹³ Е. Аквилонов. Цитир. соч., стр. 31.

¹⁴ А. Н. Муравьев. Дополнение к письмам о богослужении Восточной католической Церкви, СПб. 1900, стр. 229.

¹⁵ А. С. Хомяков. Избранные богословские сочинения, Киев, 1912, стр. 32.

¹⁶ «Деяния Совещания Глав и представителей автокефальных Православных Церквей» в Москве в 1948 г. М. 1949, т. I, стр. 94.

¹⁷ Там же, стр. 234.

¹⁸ По цитир. соч. Е. Аквилонова, стр. 118.

¹⁹ Филарет, архиеп. Черниговский. Православное Догматическое богословие, Чернигов, 1864, ч. II, стр. 357.

²⁰ А. П. Лопухин. История христианской Церкви в XIX в. СПб, 1900, I, стр. 285.

Остановимся на этом определении Церкви римским богословием. «Наименование Церкви «обществом верующих», — замечает Е. Аквилонов, — не есть логически-правильное определение всецелого ее существа, а только простое его описание. Это описание говорит нам лишь о том, из кого именно состоит Церковь? — из верующих, — и ничего более. Но сами по себе верующие суть только составная часть Церкви, в известном отношении только материал, из которого... составляется самая Церковь». Так, для понимания существа Церкви необходимо, прежде всего, знать основной закон, план и стиль ее строения, а затем уже иметь в виду и данный материал, как одно из важных предположений для существования самой Церкви.²¹ «В разбираемом определении, — говорит далее тот же исследователь, — кроме того, не выражено самого главного и самого существенного, чем всецело обусловлено бытие самой Церкви, а именно, не выражена мысль о том, что Христос есть Глава Церкви, и Той есть Спаситель тела (Еф. 5, 23)».²² И, наконец, нельзя допустить, что это главенство будет походить на «главенство представителей внехристианских религий в основанных ими религиозных обществах».²³ Между тем, определение Церкви как «общества верующих» именно низводит Главу Церкви — Христа в ряд основателей естественных религий, подобно Будде, Магомету и другим, так как «общество верующих», как бы оно ни было совершенно, все же является одним из многих других обществ. В самом деле, христианских обществ множество. Главой какого же из них является Иисус Христос? Если сказать, что Главою православного общества, то и православных обществ много. Таким образом, «вопрос о возглавляемом Иисусом Христом обществе верующих остается нерешенным», так как «невозможно утверждать..., что Иисус Христос есть Глава каждого из христианских обществ порознь».²⁴ Отсюда само собой вытекает такое заключение: «Определяемая в смысле «общества верующих» Церковь мыслится существующею не в подлинной зависимости от своей Божественной Главы — Господа Иисуса Христа, а потому и св. Таинства, распределителем и совершителем которых, по учению Православной Церкви, является Сам же вечный Первосвященник, не поставляются в должную от Него зависимость».²⁵ Св. Таинства являются показателями жизни Церкви, но какая их связь с существом Церкви, данное определение не говорит. Кроме того, оно ничего не говорит ни об отшедших из этой жизни, ни об ангелах.

Остается еще один пункт в римском определении Церкви, на который следует обратить внимание, это — повиновение папе, признание его «единым на земле Христовым заместителем». Вот этот пункт — и только он один — имеет прямое отношение к определению Церкви, как «общества верующих». Как видимое общество, Церковь требует для себя и видимую главу, каким и был провозглашен римский папа на Флорентийском (1439) и Ватиканском (1870) соборах.

Итак, анализ определения Церкви, как общества верующих, показывает, что это определение не дает надлежащего понятия о существе Церкви. Оно не ставит ее в подлинную зависимость от ее Основателя и Главы Иисуса Христа, в силу этого не указывает и не может указать, какова связь св. Таинств с существом Церкви, как «общества верующих». Зато это определение устанавливает всецелую зависимость «общества верующих» от римского папы, как его главы, без которой не может существовать само это общество.

²¹ Е. Аквилонов. Цитир. соч., стр. 72—73.

²² Там же, стр. 79.

²³ Там же, стр. 79.

²⁴ Там же, стр. 33.

²⁵ Там же, стр. 84.

Мало того. Из римского определения Церкви нельзя вывести ее существенных свойств: единства, святости, соборности и апостольства. Церковь немислима без этих свойств, а они — беспочвенны без своего носителя — Церкви. Как известно, существенные свойства каждого предмета вытекают из самого его определения, если только оно правильно. Это же самое нужно сказать и о Церкви. «Если определение Церкви, действительно, отвечает своему предмету, то посредством анализа нетрудно будет произвести из него существенные свойства Церкви; в противном случае,.. никакой, хотя бы самый строгий и кропотливый анализ не поможет логически доказательно открыть ни одного из четырех свойств Церкви».²⁶

В рассматриваемом определении Церкви даже «нет требуемой связи между подлежащим и сказуемым».²⁶ Понятие Церкви несомненно шире понятия «общества верующих»; последнее входит в первое, как его составная часть. Затем, понятие «общество» никак не содержит в себе признаков: ни единства, ни святости, ни соборности, ни апостольства. «Между тем, как существованием одного общества в Иисуса Христа не только не отвергается, а, наоборот, предполагается существование многих подобных же им обществ, существованием Церкви решительно исключается мысль о возможности другой такой же, как она, Церкви, ибо совершенствами одной из них ограничивались бы совершенства другой, так что в выводе получилось бы отрицание... самой Церкви».²⁷

Как же учит о свойствах Церкви римское богословие?

Так как Церковь низведена там в ряд земных видимых человеческих обществ, в силу чего центральное значение для церковной жизни получил папа, то и свойства Церкви соответственно этому приурочены к папе. Определяемая как «общество верующих», Церковь едина только тогда, когда во главе ее стоит единый монарх-папа. Ватиканский собор так и определил: «...Пастыри и миряне, все и каждый, ему (папе) подначальны по долгу иерархической подчиненности и прямого повиновения... и... таким образом, соблюдая единство общения и исповедания тождественной с Римским Первосвященником веры, Церковь Христова образует единую паству, под единым верховным Пастырем».²⁸ Нельзя не обратить внимания на то, что исповедание веры ставится в связь не с Церковью, а с римским первосвященником. Выходит, что единство Церкви, по учению Ватикана, есть единство «подначальных» со своим управителем, единство «подчиненности и прямого повиновения» их папе и слепого следования за ним в вере. Такое единство — чисто внешнее единство, единство управления, с одной стороны, и «прямого повиновения», с другой. Ясно, что это единство не таково, о котором молился Христос. Характерно, что Ватиканский собор, говоря об источнике власти папы, и терминологию употребляет административного порядка, например: «по Божественному распоряжению». Другого единства, как административного, не может быть там, где Церковь определяется, как «общество верующих».

Второе свойство Церкви — святость. Никакое общество верующих нельзя назвать носителем, а тем более — источником святости. Источник ее — один, это — Богочеловек и созданная Им Церковь. Цель образования данного общества верующих — получение именно святости. Значит, источник святости должен быть выше данного общества, во имя чего последнее и образовалось. Из этого затруднения Ватикан думает выйти провозглашением догмата о непогрешимости папы. В опре-

²⁶ Там же, стр. 106.

²⁷ Там же, стр. 107.

²⁸ «Исхождение Святого Духа и вселенское первосвященство», Изд. С. Асташкова. Фрейбург в Бризгауе, 1886, стр. 115.

делении Ватиканского собора читаем: «...он (папа) вполне обладает, в силу обещанной ему в лице блаженного Петра Божией помощью, тою непогрешимостью, кою Божественный Искупитель хотел, чтобы была облечена его Церковь».²⁹ И второе свойство Церкви, по учению Ватикана, сосредоточено в личности папы.

Третье свойство Церкви — соборность, или кафоличность, Римская Церковь понимает «в географическом значении». Она «считает себя католической (кафолической) потому, что она распространяется на весь мир, между всеми народами. Этот географический момент Римская Церковь считает наиважнейшим доказательством того, что она есть единая истинная Христова Церковь».³⁰ Так говорит знаток католицизма протопресвитер Г. Костельник. В другом месте об этом свойстве Церкви он же говорит: «Географический момент, лежащий в основе кафоличности Римской Церкви, подкрепляется догматическими с ее стороны доводами, именно — Римской Церкви, согласно заветам Христа, подчинен весь мир, все народы»; при этом она «ссылается на слова Христа: «И будет едино стадо и один пастырь» (Ио. 10, 16). По мнению Римской Церкви, под «стадом» нужно понимать именно Римскую Церковь, а под «пастырем» — Римского папу».³¹

Если носителем первых трех свойств Церкви является папа, то тем более это нужно сказать и о четвертом свойстве — апостольстве.

Из сказанного о свойствах Церкви следует, что без папы нет Церкви, как нет Церкви без ее существенных свойств. «Когда мы говорим о Церкви, то разумеем папу», — по словам одного римско-католического богослова. По словам другого, «Церковь есть невольница папы», — а по словам третьего, вопрос о римском примате предоставляет собою «предмет величайшей важности в христианской религии».³² Без папы, по мнению римских богословов, Церковь совершенно немыслима, как, например, «Прусское королевство без прусского короля».³³ Подобно тому, как король Людовик XIV говорил о себе: «Государство — это я», — так и римский папа может сказать: «Церковь — это я». Таким образом, папское верховенство — главный догмат, на котором утверждается все здание Римской Церкви или, точнее, Ватикана.

Вопросом о главенстве римского папы занимались целых три собора Римской Церкви: Лионский (1274), Флорентийский (1439) и Ватиканский (1870), и на протяжении целых шести столетий. Одно уже это громко говорит об исключительной важности данного вопроса для Римской Церкви.

Обратимся к постановлениям этих соборов, касающимся главенства папы, и посмотрим, как учит об этом краеугольном камне своей веры Ватикан.

Вот постановление Лионского собора: «Сама (же) св. Римская Церковь обладает верховным и полным первенством над всею без исключения Вселенскою Церковью и по справедливости со смирением исповедует, что получила оное с полнотою власти от Самого Господа в лице блаженного Петра, начальника и главы Апостолов, преемник коего есть Римский Первосвященник. И так как Церковь сия паче прочих обязана защищать истину веры, точно так же, когда возникают вопросы, до веры касающиеся, они должны быть определены по ее суждению».³⁴

²⁹ Там же, стр. 118.

³⁰ Г. Костельник. См. Деяния Соещания Глав и представителей Православных Церквей в Москве в июле 1948 г., стр. 159.

³¹ Там же, стр. 160.

³² См. у Е. Аквилонова, цитир. соч., стр. 135.

³³ См. цитир. изд. С. Асташкова, стр. 78.

³⁴ Там же, стр. 109.

В этом постановлении нет еще ни слова о преимуществах преемников Петра. Эти преимущества здесь только подразумеваются. Подразумеваемое здесь — было высказано на Флорентийском соборе: «Мы определяем, что Апостольский Первопрестол и сам Римский Первосвященник обладают первенством во вселенстве; что Римский Первосвященник есть преемник св. Петра, главы Апостолов; что он Наместник Христа, глава всей Церкви, отец и учитель всех христиан, и что ему дана Господом нашим Иисусом Христом полная власть править и управлять вселенскою Церковью, как указано в постановлениях вселенских соборов и во св. канонах».³⁵

Наконец, третье определение о главенстве папы сделал Ватиканский собор в 1870 г. Собственно он провозгласил два догмата: «догмат о непосредственности и вселенстве верховной власти Первосвященника над каждым христианином, каждым священнодействителем, каждым Епископом без исключения»; второй догмат — «о непогрешимом учительстве Римского Первосвященника». — «Постановив, что первенство управления над всею Церковью прямо и непосредственно сообщено самим Господом Иисусом Христом блаженному Апостолу Петру и что первенство это, учрежденное для постоянной пользы Церкви, должно по необходимости быть вовеки непреходимо, св. Собор рассматривает существо и характер этой верховной власти. Он, во-первых, возобновляет определение Флорентийского Вселенского Собора, в силу которого: «Все во Христе правоверные обязаны верить, что Римский Первосвященник обладает первенством по всей вселенной...» Затем он точнее выясняет это определение: «Мы учим и объявляем, что по Божественному распоряжению верховность сия Римской Церкви есть верховность ординарной власти над всеми прочими Церквами и что сия, Римского Первосвященника власть управления есть власть чисто Епископская и непосредственная; что пастыри и миряне, все и каждый, в каком бы обряде или сане они ни состояли, ему подначальны, по долгу иерархической подчиненности и прямого повиновения, не только в предметах, до веры или нравов касающихся, но даже и в тех, кои относятся к управлению и благочинию Вселенской Церкви; и что, таким образом, соблюдая единство общения и исповедания тождественной с Римским Первосвященником веры, Церковь Христова образует единую паству под единым верховным Пастырем. Таково учение Кафолической истины, от коей никто без утраты веры и спасения отклониться не может.»

Далее собор, указывая на признанную всею Вселенскою Церковью верховную духовную власть Первосвященника, выводит из нее непогрешимость, как неизбежное последствие, и продолжает: «Римский Первопрестол всегда верил, постоянный обычай Церкви всегда доказывал, Вселенские Соборы, — в особенности же те, в коих Восток соединялся с Западом в единстве веры и любви, — сами исповедывали, что Верховная власть учительства включена в Апостольском Первенстве над Вселенскою Церковью, коим обладает Римский Первосвященник, в качестве преемника Петра, Главы Апостолов.»

«Затем св. Собор, приведя все свидетельства, непогрешимо доказывающие эту истину, присовокупляет: «Сия непогрешимой веры и истины харизма (дар) Богом дарована Петру и его преемникам в сей кафедре, дабы они могли исполнить верховную свою должность для спасения всех, дабы вся Христова паства, отведенная ими от тлетворных пастбищ неправды и заблуждений, питалась небесным учением; дабы отстранена была всякая причина раскола; дабы Церковь всецело была сохранена в единстве и, утвержденная на основании своем,

³⁵ Там же, стр. 111.

могла неколебимо одолеть врата ада. Но так как ныне, более чем когда-либо, человек нуждается в благотворной силе апостольской должности, и столь многие прилагают старание узнить ее власть, Мы признаем необходимо нужным торжественно провозгласить преимущество, которое Единородному Сыну Божию угодно было присвоить Верховно-Пастырскому званию. Потому, строго придерживаясь предания, восходящего до самого начала Христианской веры, во славу Господа Спаса нашего, для вознесения Вселенской Церкви и спасения христианских языков, — Мы учим и определяем: Следует признать догматом из Божественного Откровения, что: Когда Римский Первосвященник кафедрально (*ex cathedra*) изрекает, т. е. когда в отправлении должности Пастыря и Учителя всех христиан, и по Верховной своей Апостольской власти он определяет о учении, до веры или нравов касающемся, — что Вселенская Церковь обязана верить в оное, — то он вполне обладает, в силу обещанной ему в лице блаженного Петра Божией помощью, тою непогрешимостью, коею Божественный Искупитель хотел, чтобы была облечена Его Церковь, когда она определяет о учении, к вере или нравам относящемся; и что, следовательно, таковы определения Римского Первосвященника суть вполне неотменимы уже по себе, а не вследствие согласия Церкви. Если же кто-либо дерзнет сему определению нашему противоречить, о чем да сохранил Господь, да будет анафема». ³⁶

К этим определениям трех соборов Ватикана мы присоединим еще один документ о главенстве папы — из «Катихизиса Тридентского собора». Тридентским собором (1545—1564) было поручено папе составить катихизис, как выражение Тридентского исповедания веры, огражденное, при этом, от всякого прибавления или исключения соборной анафемой. Таким образом, этот катихизис вполне имеет соборное значение. Вот что говорится в катихизисе по интересующему нас вопросу: «Церковь имеет единого вождя и правителя (*unus ejus rector et gubernator*); он невидим и он есть Иисус, поставленный превечным Отцом Главою всей Церкви, которая есть Его тело, но есть и видимая Глава, и он законный преемник Петра, Князя Апостолов, на Римском престоле... Если возразят, что Церковь, довольствуясь единым Главою... Иисусом Христом, не нуждается ни в ком другом, то ответ нетруден: точно так, как Спаситель наш Иисус Христос поставил людей внешними совершителями таинств, несмотря на то, что Им Самим они производятся и действуют внутри человека (*intimum graebitorem*)..., так точно Он поставил человека над Своею Церковью, которой Он Сам управляет Своим внутренним Духом, дабы быть ему заместником и исполнителем Его власти (*Suae potestatis vicarium et ministrum*). Видимая Церковь требует видимого главу, и вот почему Спаситель наш поставил Петра пастырем и главою верующих всего света». ³⁷

Путем анализа ватиканского определения Церкви, как «общества верующих», мы пришли к тому выводу, что это общество требует объединения начала, тем более, что первое существование свойство Церкви — единство. Приведенные нами соборные документы как раз и служат ярким подтверждением нашего анализа. Такого рода постановления только и можно сделать, исходя из определения Церкви, как «общества верующих». За это говорит и терминология соборных определений, приложимая более к жизни какого-либо государственного учреждения Запада или Америки, чем к жизни Христовой Церкви, и самый предмет соборных рассуждений — полнота власти, власти и власти, о которой Ватикан твердил на протяжении целых шести столетий, от

³⁶ Там же, стр. 114—116, 118.

³⁷ Из книги «Римский папа и папы Православной восточной Церкви». Фрейбург в Бризгаве, 1899, стр. 86—87.

Лионского собора до Ватиканского, и продолжает твердить, конечно, доселе. При чтении соборных определений Ватикана невольно возникает мысль: неужели Христос воплотился для того только, чтобы оставить Себе заместителя на земле, а Сам остался для нас невидим, не-реален и теперь управляет Церковью — в сущности зримый, осязаемый?!? И, конечно, нельзя при этом не чувствовать колебания основ христианства, основ еkkлизиологии.

Разбор приведенных документов мы сделаем в дальнейшем, а сейчас подведем краткий итог этих документов словами протопресвитера Г. Костельника.

«Свою избранность и свою власть Римская Церковь ведет от самого Иисуса Христа через ап. Петра: Иисус Христос поставил ап. Петра непогрешимым монархом в Своей Церкви; таким божественным главою Церкви, каким является Сам Христос;... Его божественный примат перешел к римским епископам. Римская Церковь, таким образом, есть мать и наставница всех церквей». Исходя из этого, «Ватиканский собор 1870 г. определил догму, что непогрешимым является сам римский папа, когда говорит «ex cathedra» об истинах веры и обычаях. Значит, Римской Церкви передает непогрешимость папа, он ее непогрешимо ведет по истинному евангельскому пути. Римский папа — будто тот «камень, на котором Христос основал Свою Церковь».³⁸

Еще короче суть всех соборных определений выражает булла «Unam Sanctam» папы Бонифация VIII в 1302 г., установившая «догмат, что для спасения является абсолютно необходимой вера в то, что каждое человеческое существо принадлежит юрисдикции римского архиерея».³⁹

Таков ответ Ватикана на вопрос о существовании Церкви.

* * *

Теперь посмотрим, какой ответ дает на этот вопрос Православная Церковь.

Восточная Православная Церковь неизменно держится того определения Церкви, какое дал в своих посланиях величайший из Апостолов — Ап. Павел. В послании к Ефессянам он так определяет существо Церкви: «И Того (Христа) даде (Бог) Главу выше всех Церкви, яже есть Тело Его, исполнение Исполняющего всяческая во всех», т. е. в переводе на русский язык: «И поставил Его выше всего, Главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Ефес. I, 22—23). Короче говоря, Церковь — по Апостолу — есть Тело Христово, полнота Христова. Как понимать это определение Церкви? Его можно понимать двояко: или в собственном смысле, или в переносном, т. е. в смысле сравнения, уподобления. Последнее понимание решительно устраняется, во-первых, контекстом данного места с предыдущими словами Апостола и, во-вторых, самим его определением Церкви, если взять его в греческом подлиннике.

Возьмем контекст. Выше Апостол говорит о Христе, что Отец славы воскресил Его из мертвых, посадил «одесную Себе» на небесах, все покорил под ноги Его. Св. Иоанн Златоуст на это замечает: «Все это (говорит Апостол) о Воскресшем из мертвых... а никак не о Боге Слове..., о Том, Кто от нас... Сущего от земли... возвел на высоту»⁴⁰: Если выражения: воскресил, посадил, покорил, с сопутствующими им словами, нужно понимать в собственном смысле, то и следующие сло-

³⁸ «Деяния Совещания Глав и представителей автокефальных Православных Церквей» в Москве в июле 1948 г., т. I, стр. 160.

³⁹ Там же, у протопресвитера Г. Костельника, стр. 141.

⁴⁰ Св. Иоанн Златоуст. Творения, XI, стр. 25.

ва: «поставил Его выше всего, Главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем», тоже следует принимать не в иносказательном смысле, не в смысле метафоры или сравнения, а в собственном смысле

Всякое иное понимание этого определения Церкви, кроме собственного, решительно устраняет сам Апостол.

Обратимся к греческому тексту. Как правило, в греческом языке существительное-сказуемое употребляется без члена. Но, вопреки этому, Апостол в данном месте существительное-сказуемое *σῶμα* (тело) употребил с членом... *τὸ σῶμα* ... Для чего здесь член перед существительным-сказуемым? Несомненно для того, чтобы показать, что здесь речь идет не вообще о теле, не о сравнении Церкви с телом, а о теле определенном, о теле в собственном смысле, т. е. о Теле Христовом. В русском переводе это и отмечено: сказуемое-существительное «тело» напечатано с большой буквы.

Употребление Апостолом существительного-сказуемого с членом, как увидим далее, есть и в других местах его посланий; встречается оно и в Евангелиях, например, в словах Христа ученикам: «Приимите, ядите: сие есть Тело (*τὸ σῶμα*) Мое; «сия... есть Кровь (*τὸ αἷμα*) Моя» (Мф. 26, 26 и 28). В приведенных местах греческого текста существительные-сказуемые поставлены с определенным членом для того, чтобы отметить, подчеркнуть, что здесь речь идет не вообще о теле и крови, а об определенном теле и крови, т. е. о Теле и Крови Христовых. Так и в разбираемом нами месте Апостол поставил перед существительным-сказуемым *σῶμα* (тело) член, чтобы обратить внимание верующих на это определение Церкви, как на существительное, и тем самым устранить всякое иносказательное понимание этого определения Церкви.

В других местах своих посланий тот же Апостол перед тем же существительным-сказуемым не ставит члена, когда, например, говорит: «Мы многие составляем одно тело во Христе (Римл. 12, 5; 1 Кор. 10, 17); и еще: «Вы же есте тело Христово и уди от части», т. е. а порознь — члены (1 Кор. 12, 27). В этих местах существительное-сказуемое *σῶμα* Апостол употребил без члена. И понятно, почему... Ведь, «мы, многие» (или коринфяне, к которым были обращены последние слова Апостола), являемся лишь членами католической Церкви; мы, верующие той или другой поместной Церкви, не составляем и не можем составлять всю Церковь. Очень хорошо объясняет это место св. Иоанн Златоуст: «Он (Апостол) сказал; тело, а так как все тело составляла не коринфская Церковь, но вселенская, то и присовокупил: от части, т. е. ваша Церковь есть часть Церкви вселенской, тела, составляемого всеми Церквами, так что вы обязаны быть в мире не только друг с другом, но и со всею вселенскою Церковью, если вы в самом деле члены целого тела».⁴¹ Вот почему в указанных местах существительное-сказуемое *σῶμα* употреблено Апостолом без члена.

Для более точного и полного уяснения апостольского определения Церкви (Ефес. 1, 22—23), как Тела Христова, необходимо сопоставить его со словами другого его послания, а именно: «Ныне радуюсь,—говорит Апостол,— в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь (Кол. 1, 24). Там (Ефес. 1, 22—23) при подлежащем «Церковь» сказуемое-существительное «тело» поставлено с членом, а здесь, наоборот, при подлежащем «тело» сказуемое-существительное «Церковь» поставлено с членом. Отсюда — Тело Христово и Церковь взаимно заменимы. Нельзя мыслить Христа без Церкви и Церковь без Христа. Вот почему св. Игнатий Бого-

⁴¹ Св. Иоанн Златоуст. Творения, X, стр. 315.

носец и говорит, что, «где Иисус Христос, там и Кафолическая Церковь».⁴² Вот почему и св. Иоанн Златоуст вслед за Апостолом утверждает: «Как тело и голова составляют одного человека, так и Церковь и Христос, говорит (Апостол), одно суть, потому и именуется, вместо Церкви, Христа (1 Кор. 12, 12), разумея здесь Тело Его».⁴³

Церковь, как Тело Христово, как единый Богочеловеческий организм, естественно, имеет свою Главою, Главою в собственном смысле, только Христа. Всякое другое понимание главенства Христа в Церкви, кроме как в собственном смысле, устраняет и Апостол, когда говорит: «Он (Христос) есть Глава тела Церкви» (Кол. 1, 18). Здесь Апостол существительное-сказуемое поставил с определенным членом, тем самым исключив всякое другое, кроме собственного, понимание этого вопроса. Так понимает значение Христа, как Главы Церкви, и св. Иоанн Златоуст, когда, изъясняя слова Апостола, — Бог «поставил Его... Главою Церкви» (Ефес. 1, 22), — говорит: «Чтобы ты, услышав слово «глава», не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, не считал Его только Начальником, но видел в Нем как бы телесную (действительную) главу, (Апостол) прибавляет: «полнота Наполняющего все во всем» (Ефес. 1, 23). Он считает как бы недостаточным (название главы для того), чтобы показать родство и близость (Церкви ко Христу), и что говорит? Церковь есть «исполнение» Христа точно так же, как голову дополняет тело, и тело дополняется главою... Видишь, как (Апостол) представляет, что (для Христа, как Главы) нужны все вообще члены, потому что, если бы многие из нас не были — один — рукой, другой — ногой, третий — иным каким-либо членом, то Его тело было бы неполно. Итак, тело Его составляется из всех (членов). И значит: тогда только исполнится глава, тогда только устроится совершенное тело, когда мы все будем соединены и скреплены самым прочным образом»⁴⁴.

Итак, по Апостолу, Церковь есть Тело Христово, полнота Христова, имеющая свою единую Главою Христа. Из этого определения Церкви, естественно, вытекают и ее существенные свойства: единство, святость, соборность и апостольство.

Церковь — едина, потому что едино Тело Христово. «Никто, никогда не приписывал Христу многих тел»⁴⁵.

Церковь — святая, потому что Тело Христово свято. Бог соделался человеком кроме греха. Человеческое естество Иисуса Христа неслитно, нераздельно соединено с Его Божеством. Отсюда, Тело Христово — абсолютно свято. Поэтому и Церковь — святая, как Тело Христово.

Церковь — соборна, или кафолична. На этом свойстве Церкви мы остановимся несколько больше для того, чтобы уяснить точный смысл его в противоположность Ватикану, односторонне понимающему это свойство Церкви. Обратимся, прежде всего, к филологии этого слова. Слово «кафолический» — греческое, состоит из предлога «κατά» и прилагательного «ἅλος» в значении: целый, весь; καθ' ἅλου буквально значит: по-целу. Выражением ἅλος обозначается такой предмет, части которого не представимы без целого, без того главного, которым они связуются во едино тело. Каждая часть является здесь образом целого; таковы понятия тела, космоса и т. п., но означенный термин неприложим, напр., к дому или к какому-нибудь другому строению».⁴⁶ Кроме того: Преди-

⁴² Св. Игнатий Богоносец. Послание к Смирнянам, 8.

⁴³ Св. Иоанн Златоуст. Творения, X, стр. 297.

⁴⁴ Он же, XI, стр. 26—27.

⁴⁵ Митрополит Филарет (Дроздов). Слова и речи, 1848, II, стр. 97.

⁴⁶ Проф. Е. Аквилонов. О соборности Церкви в связи с вопросом о восставлении патриаршества. СПб, 1905, стр. 6.

кат «кафолическая» в рассуждении Церкви означает, по словам Климента Александрийского (Stromat. I, VII, с. 15), противоположность по отношению к еретическому рассуждению»⁴⁷. Отсюда, уяснение термина «ересь» поможет уяснить и термин «кафолический» в отношении к Церкви.

Слово «ересь» (αἵρεσις от αἰρέω — беру, захватываю, присвою) означает «горделивое усвоение своему личному субъективному мнению значения абсолютной, объективной истины и вытекающее отсюда стремление к самовозвышению и обособлению»⁴⁸. Другими словами, в термине «ересь» содержится идея односторонности, сосредоточения ума и воли на одном из многих утверждений. Понятие кафоличности прямо противоположно понятию ереси. Кафоличность — нечто целостное само по себе, а ересь — провозглашение за целостное или истинное одного из многих утверждений. В понятии кафоличности существенным признаком является целостность, или единство множественности. Признаки: численность, протяженность, или всемирность в смысле географическом могут быть в нем, а могут и не быть. В Сионской горнице в третий час дня Пятидесятницы, несомненно, была кафолическая Церковь, хотя численность ее членов и ее географическое пространство были очень малы. «Кафолическая Церковь — это не вполне одно и то же, как думают некоторые, что и вселенская Церковь: καθολική ἐκκλησία и οἰκουμένη ἐκκλησία, разумеется, одна и та же Христова Церковь, но предикаты «кафолическая» и «вселенская» — не синонимы. Мы отнюдь не отрицаем того, что выражение «καθολικός» может означать понятие о вселенскости, но утверждаем, что не в таком смысле оно понято было славянскими первоучителями, свв. Мефодием и Кириллом. Им и на мысль не приходило определять Церковь географически или этнографически»⁴⁹.

Славянские первоучители перевели слово «καθολικός» словом «соборный». И это — точный его перевод; «собор выражает идею собрания не только в смысле проявленного видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения; иными словами: выражает идею единства во множестве;...»⁵⁰ «одно это слово (соборный) содержит в себе целое исповедание веры».⁵¹

«Апостольская Церковь в девятом веке не есть Церковь ни καθ'ἑκαστόν (по разумению каждого, как у протестантов), ни Церковь κατὰ τὸ ἐπίσκοπον τῆς Ρώμης (по разумению римского епископа, как у латинян); она есть Церковь καθ'ἅλων (по разумению всех в их единстве)».⁵²

Рассматриваемое свойство Церкви еще более ясным делают следующие замечательные слова св. Игнатия Богоносца: «Где будет епископ, там должен быть и народ (τὸ πλῆθος), так же, как, где Иисус Христос, там и кафолическая Церковь»⁵³ — «В первом случае — «множество, толпа, народ» и «кафолическая Церковь», во втором — находятся между собою в строгом соответствии. Первым выражением обнимается единство верующих на определенном месте, вторым — единство всех верующих. Таким образом, где Иисус Христос, там все верующие составляют собою единство; так же и верующие поместной Церкви должны, посредством епископа, образовывать собою единство. Следовательно, св. Игна-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Православная богословская энциклопедия. СПб, 1904, т. V, стр. 489.

⁴⁹ Проф. Е. Аквилонов. О соборности Церкви в связи с вопросом о восстановлении патриаршества. СПб, 1905, стр. 7.

⁵⁰ А. С. Хомяков. Ситир. соч., стр. 188.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 189.

⁵³ Св. Игнатий Богоносец. Послание к Смирнякам, 8.

тий единство поместной Церкви основывает на единстве целой Церкви»⁵⁴

Все наши замечания о кафоличности, как свойстве Церкви, кратко можно выразить словами св. Иоанна Златоуста: «Все составляют нечто единое, по подобию тела, и это единое слагается из многих и находится во многом, а многое в нем содержится и получает возможность быть многим».⁵⁵ Таков смысл слова *кафоликос* в отношении к Церкви, и таково православное понимание третьего существенного свойства Церкви.

Из приведенных рассуждений ясно, что свойством кафоличности обладает, главным образом, тело, как носитель единства во множестве. Таким образом, и это свойство Церкви, естественно, вытекает из определения Церкви, как Тела Христова.

Наконец, четвертое свойство Церкви — апостольство. «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ио. 20, 21), — вот основание апостольства! Но в чем его специфическая особенность, как свойства Церкви? Приведем суждения святых Отцов по этому вопросу. Св. Ириней Лионский говорит: «Где сохраняются дары Господа, там должно учиться истине у тех, у которых есть преемство Церкви от Апостолов».⁵⁶ Особенно замечательны его же слова, сказанные в другом месте: «Истинное знание есть учение Апостолов и древнее установление Церкви во всем мире и отличительный признак тела Христова, состоящий в преемстве епископов, которым те передали сущую повсюду Церковь».⁵⁷ Блаж. Августин пишет: «Церковь от времен самих Апостолов через известнейшее преемство епископов, продолжающееся даже до наших дней и имеющее продолжаться на все последующие времена, сохраняет и приносит жертву хвалы в таинстве Тела и Крови Христовых».⁵⁸

Итак, отличительный признак Тела Христова состоит в преемстве епископов; через это преемство передается «сущая повсюду Церковь», с ее полнотой даров Святого Духа, полученной ею в Пятидесятницу. Как видим, и это свойство Церкви, как и предыдущие три, естественно вытекает из апостольского определения Церкви, как Тела Христова.

В Евангелии упоминается еще одно свойство Церкви — неодоленность вратами ада. Оно — выражение в отрицательной форме совокупности всех положительных свойств Церкви. Как Тело Христово, Церковь не досягаема для сил зла. Бог «возвел ее на высоту великую и посадил на том же престоле, потому что, где глава, там и тело, нет никакого перерыва между главою и телом, и если бы (связь между ними) прекратилась, то не было бы ни тела, ни головы».⁵⁹ От Церкви могут отпасть отдельные люди, отдельные общины, отдельные местные Церкви, но сама Церковь, как Тело Христово, как полнота Христова, никогда не оскудеет и всегда будет пребывать неодоленной от зла. Она, как была, так во веки и пребудет «столпом и утверждением истины» (1 Тим. 3, 15). И св. Иоанн Златоуст, исходя именно из этого исповедания догмата Церкви, говорит: «Не удайся из Церкви; потому что ничего нет равного Церкви... ничего нет могущественнее Церкви... Она выше неба, обширнее земли. Она никогда не стареет и всегда цветет...⁶⁰ Легче погаснуть солнцу, чем уничтожиться Церкви...»⁶¹ «Церковь есть столп вселенной».⁶²

⁵⁴ Проф. Е. Аквилонов. Цитир. соч., стр. 7.

⁵⁵ Св. Иоанн Златоуст. Творения, X, стр. 315.

⁵⁶ Св. Ириней Лионский. Против ересей, IV, 26, 5.

⁵⁷ Там же, IV, 33, 8.

⁵⁸ См. Митрополит Макарий. Православное догматическое богословие. СПб. 1883, II, 246.

⁵⁹ Св. Иоанн Златоуст. Творения, XI, 26.

⁶⁰ Он же, III, стр. 400 и 415.

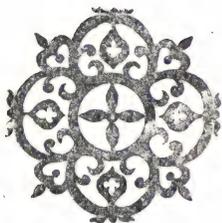
⁶¹ Он же, VI, стр. 407.

⁶² Он же, XI, стр. 692.

Так тверды и несокрушимы основы Христовой Церкви. Действительно, врата ада не могут одолеть ее, ибо Церковь есть Тело Христово (Ефес. I, 22—23), ибо «и Церковь и Христос одно суть» (св. Иоанн Златоуст), ибо Глава тела Церкви — Христос. Отсюда, она вовеки пребывает Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковью. Так, согласно Священному Писанию, исповедовала девятый член Символа веры и теперь исповедует Восточная Православная Церковь и этим исповеданием руководствуется в своей церковной жизни и деятельности.

(Продолжение следует)

А. ВОЛКОВ

МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА

(ЕГО БОРЬБА С ИЕЗУИТО-УНИАТСКИМ ВЛИЯНИЕМ НА УКРАИНЕ
И В БЕЛОРУССИИ)

*„Имя Петра Могилы — одно из
лучших украшений нашей церков-
ной истории».¹*

Митрополит Макарий

I

Петр Могила, Митрополит Киевский и Галицкий, был неутомимым борцом за православие в той чрезвычайно тревожной и опасной исторической обстановке, в которой оно оказалось на Украине и в Белоруссии в XVII веке.

Петр Могила, несомненно, превосходил современных ему иерархов не только Русской Православной Церкви, но и всей Церкви Восточной: превосходил своим просвещением, своею любовью к просвещению и своими подвигами на пользу православия.

Родился он 21 декабря 1596 г. в семье молдавского господаря, носившего фамилию «Могила». Фамилия эта по своему филологическому смыслу соответствует русской фамилии князей Холмских и происходит от молдавского слова *moșila*, означающего холм, возвышенность (на современном румынском языке *movila*).

Домашнее образование Петр Могила получил от учителей Львовского православного братства, организовавшегося еще в 1586 г. для борьбы за православную веру и национальные права против польско-католической агрессии. Гор. Львов находился недалеко от молдаво-влахийских владений, и Львовское братство, нуждавшееся в материальных средствах, нередко обращалось к единоверным молдавским господарям с просьбами о материальной поддержке.

Дядя Петра Могилы, молдавский господарь Иеремия, был щедрым жертвователем Львовского братства, покровителем и посредником в недоразумениях, возникавших у братства с Львовским епископом Гедеоном Балабаном. Отец Петра Могилы Симеон, став господарем Молдавии после смерти своего старшего брата, также делал в Львовское братство большие вклады. С своей стороны и братство оказывало Могилам исключительное внимание — устраивало торжественные встречи, посвящало книги, выходявшие из братской типографии, записывало их имена в синодики, и, когда была закончена постройка братской церкви Успения Богородицы, на главном ее куполе имена Иеремии и Симеона Могил были начертаны золотыми буквами, как имена главных храмоздателей.

Трудно сказать наверно, проходил ли воеводич Петр Львовскую школу в качестве ее воспитанника в обычном смысле этого слова, наря-

¹ Митрополит Макарий. История Русской Церкви, т. XI, стр. 615.

ду с прочими учениками. Скорее можно думать, что Львовская школа выделила из своего профессорско-преподавательского состава подходящих для этой цели преподавателей и те воспитывали и обучали юного воеводича в его родительском доме.

По окончании школьного курса Петр Могила отправился за границу и заканчивал свое образование в Парижском и других старинных университетах Западной Европы.

Учителя Львовской школы и родовые традиции навсегда определили строго православные взгляды Петра Могилы, несмотря на пребывание в западно-европейских университетах, а вступление Могила на молдавовлахийское господарство обязывало их еще более быть верными интересам православия в управляемой стране.

После объявления унии в Польше и Литве (1596 г.) пропаганда католичества усилилась также и в Молдаво-Валахии.

В такой боевой обстановке своего детства и юности Петр Могила очень рано понял, что вопросы прадедовской религии служат самым важным элементом национально-культурной самостоятельности. В своих воспоминаниях он описывает несколько случаев столкновения с католичеством, которые показывают, что уже в детские и юношеские годы Петр Могила был твердо убежден в истинности православия и в его превосходстве над католичеством.

Выходец из военно-феодального класса, воеводич Петр, получив университетское образование, поступил на военную службу в польскую армию, участвовал в войне против турок в 1620—1622 гг., причем принимал участие в битве 1621 г. у г. Хотина, в которой туркам был нанесен настолько чувствительный урон, что они были вынуждены заключить невыгодный для них мир.

Хотин — крепость на берегу реки Днестра, сооруженная еще генуэзцами в XIII веке, находился потом в руках молдавских господарей, которые расширили ее и укрывались здесь от нападений турок. После смерти господаря Стефана турки завладели Хотинном, и в XVII веке он имел большое значение в войнах русских и поляков с турками, переходя попеременно в руки молдаван, поляков, украинских казаков и турок.

Поступление молдавского воеводича на польскую военную службу объясняется тем, что и отец и дядя его, Симеон и Иеремия Могила, добились господарства при поддержке Польши, вопреки желанию турецкого правительства, которое поддерживало другого претендента — Кантемира.

Род Могила был связан и родственными связями с знатными фамилиями Вишневецких, Потоцких, Корецких и другими, но, не в пример этим ополяченным родам русских магнатов, всегда оставался верен православию.

В связи с неудачами, постигшими Могила в молдавовлахийских землях, в частности, после удаления от власти Симеона Могила, дети его поселились в Польше и, отдавшись под покровительство ее коронного канцлера и гетмана Жолкевского, поступили в 1617 г. на военную службу. В 1620 г. Жолкевский погиб в битве с турками под Цецорой, и Петр Могила сблизился с гетманом Ходкевичем, убеждая его не чинить молдавам и валахам никаких насилий вере их отцов.

Несмотря на успехи своей военной карьеры, Петр Могила тяготился иноверным обществом и вообще легкомысленной военной средой и тянулся к русскому народу, ведшему героическую борьбу за свое существование. Он часто посещает Киев, приобретает в его окрестностях поместья, сближается с Киевским Митрополитом Иовом Борецким, с которым он был дружен еще в годы своего учения. Частое общение с Митрополи-

том Иовом окончательно оформило взгляды Петра Могилы и указало путь его жизненной деятельности.

В 1625 г. Петр Могила постригся в монахи и вошел в число братии Киево-Печерского монастыря. 8 апреля 1627 г. скончался архимандрит этого монастыря Захария Копыстенский, и после некоторой внутренней борьбы монастырская братия в 1627 г. избрала себе настоятелем тридцатилетнего молдавского воеводича, имевшего всего трехлетний стаж иноческого жития.

Каким образом недавний офицер польской армии превратился в архимандрита первенствующего на юге православного монастыря? Такие превращения с внешней стороны в то время не были редкостью, ибо высшие иерархические должности, связанные с управлением большими вотчинами, замещались лицами из шляхетской среды и обычно раздавались королем. И тем не менее избрание и назначение Петра Могилы архимандритом Киево-Печерского монастыря было явлением чрезвычайным и притом положительным.

В рассматриваемое время на Украине и в Белоруссии был уже осознан всеми серьезно мыслящими людьми глубокий вред, происходивший от замещения высших иерархических мест лицами со светскими привычками, не пристойными святительскому чину. Особенно характерным в этом отношении было дело епископа Владимирского и Брестского Иосифа — в мире князя Корнатовича-Курцевича, впоследствии архиепископа Суздальского¹. Украинцы и белорусы не раз просили польское правительство, чтобы им не назначали также иерархов из чужеземцев.

Настоятельство в Киево-Печерском монастыре было для Петра Могилы привлекательно как средство борьбы с могущественными противниками, притеснявшими Православную Церковь и грозившими ей полной ликвидацией в пределах Речи Посполитой. Он был не единственным кандидатом на место настоятеля Киево-Печерской Лавры после кончины Захарии Копыстенского: этим местом пытались овладеть и униаты. Петр Могила понял, какую важность имеет православие для украинского и белорусского населения польско-литовского государства и решил отдать все свои силы, всю свою жизнь защите православия, стал выразителем лучших надежд и национальных чаяний украинского и белорусского народов, вместе с тем оказав большую услугу и единой верной Москве.

II

С первых же шагов нового настоятеля Киево-Печерского монастыря стало ясно, что он будет ревностным последователем своих непосредственных предшественников — архимандритов Никифора Тура, Елисея Плетенецкого и Захарии Копыстенского, много заботившихся об управляемой обители и интересах православия во всем крае.

С конца XVI века, вследствие гнета со стороны поляков и усилившейся иезуитской пропаганды, на первый план у православных иерархов выступают заботы о спасении веры, о борьбе с враждебными православию началами, организация школ, типографий, общественно-благотворительная деятельность в виде книгоиздательства и устройства богаделен.

Ко времени избрания Петра Могилы настоятелем Киево-Печерского монастыря этот монастырь, по своему влиянию на ход церковных дел на Украине, занимал уже ведущее место и успел оказать православию значительные успехи. Имена трех непосредственных предшественников Петра Могилы по Киево-Печерской Лавре — Никифора Тура (1593 —

¹ Подробности см. в магистерской диссертации иеромонаха Николая Ярушевича (ныне Митрополита Крутицкого и Коломенского) «Церковный суд в России до издания Соборного Уложения 1649 года», в Приложениях. Петроград, 1917 г.

1599), Елисея Плетенецкого (1599—1624) и Захарии Копыстенского (1624—1627) занимают почетное место в истории просвещения и борьбы за православие.

Буллой от 4 марта 1595 г. римский папа Климент VIII «предоставил» Киево-Печерский монастырь, дотоле самостоятельный, киевским митрополитам под условием их единения с Римскою Церковью, и на этом основании униатский митрополит Михаил Рагоза, при поддержке польского правительства, требовал от архимандрита Никифора подчинения себе, как начальнику, и присоединения к униии. Но Тур, прибыв на Брестский собор, был одним из руководителей той его части, которая отвергла унию и объявила митрополита Михаила Рагозу вместе с прочими епископами, подчинявшимися папе, лишенными сана и отлученными от Церкви.

По требованию митрополита Михаила Рагозы, архимандрита Никифора вызвали на суд к королю Сигизмунду III, ярому стороннику католицизма, и он, естественно, определил передать Киево-Печерский монастырь во власть униатского митрополита, а архимандрита Никифора Тура низложить и удалить из монастыря. Однако выполнить это распоряжение оказалось не так просто: когда явился уполномоченный короля (Иван Кошица), перед ним были заперты лаврские ворота, и королевский посланец вынужден был удалиться, не выполнив данного ему поручения. Никифор Тур не только не пустил униатов в самый монастырь, но сумел отстоять и большую часть его вотчин от претензий на них униатского митрополита Михаила Рагозы.

Эта борьба была очень важна, как отрицание униатских прав на древнейшую украинскую святыню православия и как твердое, мужественное стояние за него.

Еще важнее была деятельность преемника Никифора Тура, архимандрита Елисея Плетенецкого. Продолжая борьбу с унией и католицизмом, он старался, в соответствии с особыми требованиями времени, восстановить в монастыре, по правилам св. Василия Великого, общежительный устав. Одновременно архимандрит Елисей Плетенецкий заботился о развитии просвещения: завел в Лавре типографию, купив ее у наследников Федора Юрьевича Балабана¹, устроил «паперню», т. е. бумажную фабрику, в монастырской вотчине Родомысле, вызвал в Лавру ученых людей, знатоков и энтузиастов типографского дела — Захарию Копыстенского, Памву Берынду и Стефана Берынду, Тарасия Левковича Земку, Лаврентия Зизания Тускановского, проповедника и знатока древних языков, Иосифа Кирилловича, Гавриила Дорофеевича, Филофея Казаревича, виршеслагателя Александра Мигуру, Тимофея Вербицкого и других лиц, с увлечением трудившихся при печатании книг в том или другом роде типографско-издательской работы. Архимандрит Елисей, заботливо сгруппировав в своем монастыре дружный коллектив типографских работников, выпустил с 1616 по 1624 гг. такое количество богослужебных и религиозно-полюемических книг, направленных против униии, которое было не меньше количества книг, изданных в то время самими крупными братскими типографиями — львовской, острожской, виленской, не говоря уже о второстепенных вроде дерманской, луцкой и других.

Архимандрит Елисей организовал при своем монастыре институт проповедников, сам «любовно их слушал и был примером», устроил школу, стоявшую по объему преподававшихся в ней наук на уровне других подобных же братских школ. Елизавета Гулевичевна, богатая киев-

¹ Друкарня Балабанов была заведена еще епископом Львовским Гедеоном Балабаном в его вотчине Стратине, около Рогатина, когда он поссорился с Львовским братством; она лежала заброшенной, пока Плетенецкий не перевез ее в Киев и устроил там в ход около 1615 г. Первая книга вышла из этой друкарни в 1616 г.

ская шляхтянка, жена мозырского маршала Стефана Лозки, подарила свою землю в Киеве на Подоле (где сосредоточивалось киевское население, ибо старый город стоял почти пустым), предназначив ее для благотворительных и просветительных целей: устройства монастыря, школы при нем, гостиницы для странников православной веры. Затем образовалось братство, которое и занялось выполнением этих планов, причем архимандрит Елисей Плетенецкий и его сотрудники были главными проводниками этого дела; в конце 1615 г. был написан устав этого братства и в братство вписалось огромное число народа всех сословий — духовенства, мещанства, шляхты и все казацкое войско со своим гетманом Петром Сагайдачным.

Преемником Елисея Плетенецкого был, по его указанию, архимандрит Захария Копыстенский, продолжавший просветительную деятельность своего предшественника по поднятию умственного и нравственного уровня монастырской братии, проповеди, по изданию книг, увеличив и количественно число братии до 800 человек.

Получив это доброе наследство своих предшественников, Петр Могила поднял все виды просветительной деятельности Киево-Печерского монастыря на новую, небывалую еще высоту. Он энергично взялся за восстановление и возвращение монастырских владений; обладая твердой волей и решительным характером, не чуждаясь и крутых мер, всегда имел в виду только пользу врученного ему дела, устраняя препятствия, в немалом числе лежавшие на путях его деятельности. Требуя повиновения себе, как настоятелю, архимандрит Петр Могила был требователен и к самому себе, говоря, что ему, настоятелю «прежде всех подобает на церковном обрестись правиле, такожде и на всяком деле богодухновенном». По сообщению биографа Петра Могила (инока киевского Выдубицкого монастыря Иакова), Могила «носил на себе острую, колючую власяницу и умерщвлял свое тело, стискивая его железным панцырем».

Вступление Петра Могила в управление Киево-Печерским монастырем совпало с некоторым улучшением в отношениях украинского казачества с польским правительством, и значительные круги казацкой старшины и украинского шляхетства стали склоняться к попыткам того или иного соглашения с униатами. Выражением этих настроений была, между прочим, деятельность Полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого, посвященного Иерусалимским Патриархом Феофаном во время пребывания его на Украине в 1620—1621 гг. После многих и мучительных колебаний архиепископ Мелетий окончательно перешел в унию и тем поставил себя вне православного общества.

Соборы Киевский (1627), Гродекский (1628) и Львовский (1629) были посвящены этим попыткам к соглашению между униатами и православными. На этих соборах «великому архимандриту», как стал называться архимандрит Киево-Печерского монастыря, пришлось быть руководителем, и он доказывал бывшими уже примерами, что какие-либо соглашения в этом деле могут привести только к еще большему обострению отношений между православными и католиками.

Управляя Киево-Печерской Лаврой, архимандрит Петр Могила заботился и о внешнем благолепии своей обители, украшал соборную монастырскую церковь, реставрировал и расширял пещеры, соорудил для почивающих там мощей новые гробницы, сделав на каждой надписи, и учредил строгий порядок для посещения пещер, в прекращение нередко случавшихся кощунственных выходок со стороны иноверных посетителей, в особенности лютеран и кальвинистов.

Он заботливо собирал все сведения о чудесах при иконе Печерской Богоматери и мощах печерских святых, собственноручно заносил эти записи в особую книгу, придавая чудесным событиям широкую известность,

и впоследствии эта книга, по поручению Петра Могилы, была издана монахом Киево-Печерского монастыря Афанасием Кальнофойским, под заглавием «Тератургимма, или чудеса, совершившиеся в Печерском монастыре и обеих его пещерах». Целью этих записей было опровергнуть утверждения униатов и иезуитов, будто в Православной Церкви не совершается более чудес, и показать, что Киево-Печерская Обитель есть место особого присутствия благодати Божией и покровительства Пресвятой Богородицы.

Все стороны деятельности Петра Могилы объединялись его убеждением в превосходстве православной религии над прочими христианскими исповеданиями — католичеством, униатством, протестантизмом — лютеранством, кальвинизмом и проч. Собирая и записывая сведения о чудесах, Петр Могила имел целью утвердить православных в их отеческой вере и посрамить тех, кто дерзал утверждать, будто бы в православии иссякла благодать Святого Духа за непризнание папского главенства (как говорили иезуиты и униаты) или за мнимое распространение суеверий (как говорили протестанты и их собратия всех оттенков). Петр Могила горячо заботился о восстановлении древних церковно-архитектурных памятников, о сохранении древних исторических документов, собирая и переписывая их, причем особенно те, которые показывали правоту православия и несостоятельность воззрений его противников.

Киево-Печерская типография заняла самое первое место среди всех украинских и белорусских братских типографий, расширяясь и обогащаясь опытом, новыми шрифтами (польским, латинским) и техническими усовершенствованиями. В 5½ лет настоятельства Петра Могилы лаврской друкарней было выпущено до 15 книг, написанных или переведенных самим архимандритом. Одни заглавия таких книг могут показать значительность писательской и издательской деятельности Петра Могилы. В 1628 г. вышел его перевод (с греческого) аскетической книги «Агапита диакона главизны поучительны»; в 1631 г. была напечатана «Триодь Цветная», с предисловием и объяснением церковных песнопений и историческим очерком о них; в том же году вышел сборник поучений Петра Могилы под заглавием «Крест Христа Спасителя и каждого человека». Далее выходит «Литургиарион си речь служебник», исправленный Петром Могилой по греческим источникам и снабженный объяснением литургии; это был очень важный труд. Подробнее о заботах Петра Могилы о единообразии богослужения мы коснемся ниже, говоря о его «Требнике», а здесь отметим только, что в эти годы Петр Могила написал несколько канонов и церковных песнопений: канон к причащению священников, канон на исход души (отличается силой языка и яркостью благочестивого воображения); канон о творении мира, плач изгнанных из рая прародителей; молебное пение об освобождении православных христиан от бед, належащих от сопротивных апостатов (т. е. отступников от православия); благодарственное песнопение по случаю избавления Киева от нашествия поляков в 1630 г. и другие.

Все эти произведения, особенно важные во время их появления (они не потеряли своего значения и теперь), написаны хорошим церковно-славянским языком, могут служить образцом славянской церковной риторики и отмечены печатью выдающегося поэтического дарования и глубокого понимания духа церковных песнопений.

Еще до получения митрополичьей кафедры, Петр Могила, зная силу и значение внешней стороны богослужения, заботился о чинном, торжественном и благолепном его отправлении в монастырских и вотчинных храмах, назначив для надзора за этим особое лицо, требовал от духовенства постоянных проповедей при богослужениях, надлежащей организации священных процессий, дабы и внешней своей стороной право-

славное богослужение ничем не уступало пышности католического культа. Он установил еженедельный акафист пред иконой Печерской Богоматери, в Великий пост учредил так называемые пассии, службу в честь крестных страданий Господа Иисуса Христа, приспособив этот чин к духу православного вероучения. Принятые сначала только на Украине, пассии впоследствии распространились и в последнее тридцатилетие прочно вошли в практику всей Русской Православной Церкви, сделались любимыми великопостными богослужениями в православных храмах.

III.

Но самым важным делом Петра Могилы за годы его архимандритства было преобразование основанной Елисеем Плетенецким в 1616 г. Киевской братской школы в высшее учебное заведение, образцовое для всех духовных школ России до реформы их в 1867—1869 гг.

До конца XVI века школ на Руси, Московской и зарубежной, было мало, но они все-таки были, как справедливо утверждают современные историки школьного образования в России¹. Это были элементарные школы для обучения письму и чтению богослужебных книг (часослова и апостола).

Со времени Люблинской государственной унии 1569 г. и особенно со времени церковной унии, объявленной в Бресте в 1596 г., в украинских и белорусских землях появляются иезуиты, поставившие себе целью присоединение к католической Церкви православных «схизматиков». Наиболее дальновидные руководители украинского и белорусского общественного мнения сознали неотложную необходимость для православных научного образования, так как, за отсутствием своих благоустроенных школ, православное население вынуждено было отдавать своих детей в католические, иезуитские школы, где они нередко, забывая веру отцов, постепенно теряли и национальную самобытность, или, как говорится в одном документе того времени, «вельми много зашкодило панству русскому, що не могли школ и наук посполитых расширять, и оных не фундовано; бо коли бы были науку имели, тогда бы за неведомостию своего не пришли до таковой погибели — не маючи своих наук, у науку римскую свои дети давати начали, а те с науками и веры их навикли, и так мало-помалу науками своими все панство русское до веры римской привели»². То же должно быть сказано о молодежи и других слоев украинско-белорусского населения, попадавших в иезуитские школы.

Ревнителями православия устроены были школы в Остроге, Львове, Вильне и других городах, где были организованы братства, и эти школы служили некоторым оплотом в борьбе православных с иезуитской пропагандой. Но до Петра Могилы они не поднимались до той высоты, какой требовала от них сложившаяся обстановка для успешной борьбы за свою веру с наступавшим католицизмом.

Чтобы устранить вред от посещения православными иноверных коллегиеумов, нужно было во что бы то ни стало поднять уровень образования в православных школах, подготовить квалифицированные кадры и не уступать поприще богословской и иной науки своим противникам. И эту задачу, эту реформу православных школ, в первую очередь киевской, и выполнил Петр Могила.

Задача эта была очень нелегкой, прежде всего, при отсутствии достаточного количества подготовленных профессоров и преподавателей; кроме того и окружающая среда была мало подготовлена к восприятию

¹ См., например, книгу Константинова и Струминского, изданную Педагогической Академией (Москва, 1949 г.).

² «Акты Западной России», т. IV, № 149, стр. 204—205.

расширенного круга школьных наук. Как потом среди московских грамотеев были такие, которые гордились своим невежеством и хвалились тем, что они «еллинских борзостей не текли, с риторями не сидели, философию ниже очима своима видели, изучая лишь книги благодатного закона, чтобы душу свою от грехов очистить», — так и среди украинско-белорусских ревнителей православия находились люди с подобным же образом мышления, подходившие к изучению латинских и греческих «борзостей» с таким же предубеждением. «Сила духа,— говорили они,— не в художестве вышнего наказания и философского постижения обретается, но верою смиренномудрия даруется. Хитроречием простоты и премудрость Божия бесчестится, крест Христов поруган бывает. Латинская хитрости суть дьяволово изобретение по ненависти к славянскому языку, плодоноснейшему и приятнейшему Богу. А посему, будем паче изучать богомолельный часословец, праведнословный псалтырь, смиренномудрый октоих, евангельскую и апостольскую проповедь, с толкованием простым и нехитрым, и прочие богослужбные книги, чтоб получить жизнь вечную, нежели постигать Аристотеля красномого, Платона велеречивого и другие вавилонские хитрости и с тем отойти в геенну огненную»¹.

Не мало тормозили развитие украинских и белорусских школ в польско-литовском государстве притеснения и ограничения со стороны правительственной власти, которая всячески старалась принизить эти школы, считая их рассадником схизмы и держа официально на уровне низших училищ. Львовское братство, например, тратило крупные суммы на подарки при королевском дворе, чтобы получить право преподавать в своей школе учебные предметы в несколько расширенном объеме. А чтобы добиться открытия высшей Коллегии, равняющейся по правам и программе высшей католической школе, требовались исключительная энергия, незаурядные организаторские и дипломатические способности, просвещенный ум, а главное, внутренний огонь ревности о вере отцов. И все это нашлось у архимандрита Петра Могилы. «Величайшей заслугой Петра Могилы,— говорит исследователь его деятельности,— является то, что он, пламенея любовью к просвещению, дал себе торжественную клятву снять с русского народа поношение научной отсталости и в течение всей своей жизни свято исполнял свою клятву, не щадя для этого собственных средств, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, не смущаясь никакими трудностями»².

Свое торжественное обещание водрузить знамя православной науки Петр Могила стал приводить в исполнение тотчас же по избрании его настоятелем Киево-Печерского монастыря. Прежде всего, он отправил в Константинополь к Патриарху, которого считался экзархом³, посольство, прося благословения на открытие в Киеве «латинских и польских училищ». Затем он избрал способных к книжному научению монахов и отправил их на свои личные средства за границу для обучения высшим наукам.

Отправка за границу молодых ученых (в числе которых был Иннокентий Гизель, автор первого учебника по русской истории, так называемого Синописа), намерение открыть в Лавре высшую школу, отдельную от школы братской, вызвали у членов братства опасения, как бы высшая школа не сделалась рассадником ересей и не подорвала значе-

¹ «Акты Юго-Западной России», т. II, № XVIII.

² С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, Киев, т. I, стр. 424.

³ Украинская и белорусская Церкви считались в непосредственном подчинении у Константинопольского Патриарха, а архимандрит Киево-Печерской Лавры был подчинен ему экзаршески, совершенно не завися от Киевского Митрополита. Киевская митрополия была подчинена Московскому Патриарху только в 1686 г. при Митрополите Гедеоне (Святополк-Четвертинском).

ние школы Божоявленского братства. Повидимому, тут действовала и за- кулисная агитация иезуитов, Коллегия которых находилась тут же на Подоле. Руководители и студенты иезуитской Коллегии обвиняли Петра Могила и его преподавателей в протестантизме, кальвинизме, а это, в свою очередь, давало оружие тем братчикам, которые не понимали, почему Петр Могила хочет открыть свою отдельную школу в Лавре, как бы в подрыв братской школе на Подоле.

Петр Могила считал целесообразным открыть в Лавре свою отдельную школу и потому, что братчики в некоторых братствах противопоставляли себя владыкам, часто вмешивались в преподавание и делали это иногда неорганизованно и не всегда тактично, мешая подчас учителям вести преподавание.

Первый учебный—1631/1632-й—год эта высшая школа «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках» провела в Лавре, в бывшем больничном корпусе, недалеко от святых ворот, но затем Петру Могиле пришлось от своего намерения отказаться и соединить свою школу с братской.

Киево-Печерский архимандрит поспешил уладить отношения с Божоявленским братством, записавшись в списки его членов, и был принят им «старшим братом, опекуном и фундатором того святого братства, обители и школ», как гласит собственноручная подпись Петра Могила в реестре членов, сделанная 11 марта 1631 г. Он перевез из Лавры в Братский монастырь несколько деревянных зданий под квартиры для наставников, беднейших учеников поместил в бывшем странноприимном доме, устроив для них общежитие — бурсу; для содержания тех и других назначил две монастырские волости (Вишневецкую и Гнедич); для классных помещений построил двухэтажное каменное здание с «конгрегационной» церковью для учащихся. Много сделал Петр Могила для материального благоустройства своего Коллегиума, но еще больше для его внутреннего устройства.

Можно смело сказать, что Киево-Могилянская Коллегия своим строем, бытом, организационными формами служила образцом для русских духовных семинарий в течение всего XVIII века, да и в XIX веке не исчезло еще в русских духовных школах влияние ее традиций.

За какие-нибудь 10—15 лет Киевская школа, реформированная Петром Могилой, поднялась так высоко, что далеко превосходила школы униатские и лучшие католические. Сами униаты должны были признать превосходство школ, организованных Петром Могилой¹. Униат, а потом католик Кассиан Сакович, обращаясь к униатам, писал: «Что ваши училища? Они ничего не значат в сравнении с училищами отца Могила, Киевским и Гойским!». И Петр Могила, в это время уже Митрополит, имел полное основание по этому поводу с удовлетворением заметить Саковичу: «Ты прав, когда признаешь, что в школах Киевской и Гойской учат хорошо,— учат в них, действительно, неплохо».

Этот высокий научный уровень Киевской Коллегии, организованной Петром Могилой, высоту принципов, на которых она была основана, нельзя не подчеркнуть, говоря о самоотверженной работе Петра Могила по распространению образования, говоря о его борьбе против иноверного и иностранного культурно-политического влияния иезуитов и их подголосков — униатов.

(Окончание следует)

И. СПАССКИЙ

¹ Кроме Киевской, Петром Могилой была основана еще другая школа — в Виннице, в качестве подготовительной к Киевской; вскоре она была перенесена в местечко Гойчаны, Луцкого повета, где владелица этого местечка Раина Соломерецкая основала мужской монастырь, подчиненный Киево-Братскому училищу.

О ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

В жизни Московской Духовной Академии нашло осуществление весьма ценное начинание — организация церковно-археологического музея.

Мысль об организации музея возникла среди профессоров и преподавателей Академии, нашла свое соответствующее оформление, а затем одобрение и утверждение Его Святейшества Патриарха Алексия, с благословением и пожеланием успеха в благом начинании.

Церковно-археологический музей, как собрание древних церковных предметов в виде икон старинного письма, принадлежностей богослужения — древних антиминсов, крестов, дарохранилищ, лампад, паникадил, книг Свящ. Писания и книг церковно-богослужебных рукописных и древнего печатания, подобранных в их исторической преемственности и последовательности, — имеет большое практическое значение в условиях высшей духовной школы.

Среди научных предметов академического преподавания читается церковная археология, и музей даст опытный материал при прохождении этой дисциплины. Церковно-Археологический музей с его экспонатами ставит на прочную базу преподавание археологии в Академии и, кроме того, может развить любовь и вкус у студентов Академии к нашим церковным древностям, представляющим нередко образцы высокой художественности.

Музей на первое время развертывается в трех отделениях: иконографическое, древних предметов церковно-богослужебного значения, и старинных книг Свящ. Писания и богослужебных.

Он помещается в одной из комнат актового зала Академии.

Музей составляется исключительно на основании добровольных пожертвований.

Обращение Академии к ряду архипастырей окрылило надежды организаторов музея: многие из владык очень тепло отнеслись к научному начинанию Академии и прежде всего: Высокопреосвященный Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский; Высокопреосвященный Григорий, Митрополит Ленинградский и Новгородский; Преосвященный Лука, архиепископ Симферопольский и Крымский; Преосвященный Димитрий, архиепископ Ярославский и Ростовский; Преосвященный Флавиан, епископ Орловский и Брянский.

Архиепископ Димитрий уже передал для музея пять антиминсов XVII века, икону апостола Матфея, письма XVI в. Архиепископ Лука пожертвовал ценное описание Остромирова Евангелия и орлец епископа Афанасия Холмогорского, современника Петра Первого. От епископа Флавиана получены девять антиминсов времени Петра Первого и другие (XVII—XVIII вв.).

ДОЦ.-СВЯЩ. Н. НИКОЛЬСКИЙ

ИЗ ЖИЗНИ ЕПАРХИЙ

ИЗ МИНСКОЙ ЕПАРХИИ

ЦЕРКОВНОЕ ТОРЖЕСТВО В г. БАРАНОВИЧАХ

Верующие г. Барановичи долго будут помнить дни пребывания в городе своего епархиального архиерея Питирима, архиепископа Минского и Белорусского, прибывшего из г. Минска на храмовой праздник Барановичского Покровского собора.

За годы Великой Отечественной войны собор подвергался, как и другие здания города, бомбардировке и был сильно поврежден. Капитальный наружный и внутренний ремонт собора был закончен ко дню храмовой праздника Покрова Пресвятой Богородицы — 14 октября с. г.

Архипастырь прибыл в канун праздника.

Сонм духовенства, под колокольный трезвон, сопровождал со славою Преосвященного Питирима из покоев настоятеля в храм. Прот. Б. Бураков приветствовал Владыку речью. Ознакомив вкратце с историей храма, он отметил, что в дни Великой Отечественной войны в храме неустанно возносились молитвы к престолу Всевышнего о даровании победы нашему славному воинству над злейшим врагом человечества — фашизмом; а теперь, в дни мира, возносятся молитвы о мире всего мира.

Владыка Питирим совершил всенощное бдение в сослужении наместника Успенской Жировичской обители архимандрита Митрофана, трех благочинных области, настоятеля собора и проч. духовенства, прибывшего на настоящее церковное торжество. Служба затянулась, и только к 11 ч. ночи народ начал расходиться по домам.

В самый день праздника, в сослужении того же духовенства, архиепископ Питирим совершил Божественную литургию, а по окончании ее молебен Пресвятой Богородице, с крестным ходом вокруг храма.

После молебного отпуска настоятель собора прот. А. Чиринич, от имени духовенства и всех верующих г. Барановичи, выразил архиепископу Питириму глубокую благодарность за особое внимание к делу ремонта храма и за доставленное верующим духовное утешение.

После многолетия Владыка Питирим обратился к верующим со словом, в котором отметил труды и заботы верующих о своем храме и указал на великое значение Божьего храма. В заключение торжества Владыка преподал свое благословение верующим, каждому в отдельности.

В тот же день архиепископ Питирим отбыл из г. Барановичи в Минск, напутствуемый наилучшими пожеланиями провожавших его представителей духовенства и мирян.

ПРОТ. Б. БУРАКОВ

ИЗ УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ

СКРОМНОЕ ТОРЖЕСТВО

8 ноября 1950 г. исполнилось 50 лет священнослужения епархиального протодиакона А. Е. Фомина.

Своим усердием к службе Божией и прекрасными душевными качествами он заслужил внимание епархиального начальства, уважение и дружбу сослуживцев и любовь прихожан.

В этот день Божественную литургию в Сергиевском кафедральном храме совершал Преосвященный Арсений, в сослужении представителей духовенства храмов г. Уфы, собравшегося почтить юбиляра.

По окончании молебна епископ Арсений теплою речью приветствовал виновника торжества.

Прихожане поднесли о. протодиакону в богатой папке адрес.

Торжество закончилось ответной речью растроганного до слез юбиляра.

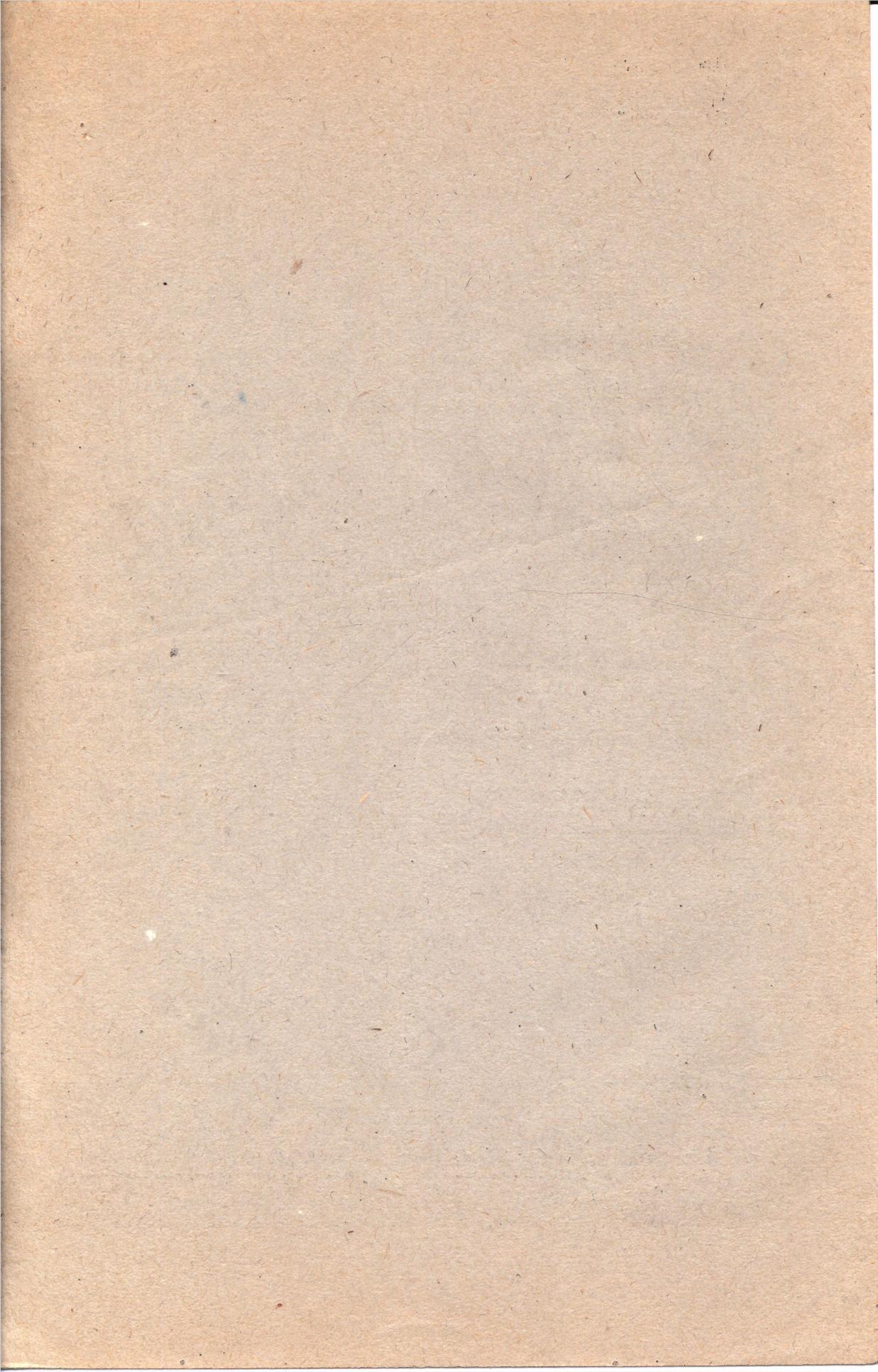
ПРОТ. М. ПЕНЬКОВСКИЙ

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к и. о. Ответственного секретаря Редакции «Журнала Московской Патриархии» А. И. Георгиевскому — Москва, 48, Б. Пироговская, 2 (быв. Новодевичий монастырь), Редакция «Журнала Московской Патриархии».

Цена 10 руб.